

63.5
И 90

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ИТЕЛЬМЕНОВ

Историко-этнографические очерки

Под общей редакцией

академика А. И. КРУШАНОВА

ЛЕНИНГРАД

«НАУКА»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1990

Изучение национальных традиций и особенностей, проблем происхождения и этнической истории народов, их вклада в общечеловеческую культуру — актуальная задача советской исторической науки, решать которую призывает ученых и июльский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС, посвященный современным национальным проблемам.

Предлагаемая читателям книга — первая обобщающая работа о древнейших обитателях полуострова Камчатки — ительменах.

Самоназвание «ительмен», производное от «итэнмэн»* («живущий»), было впервые зафиксировано российскими исследователями Камчатки, участниками Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. Г. В. Стеллером и С. П. Крашенинниковым, хотя уже тогда во всех административных документах их называли «камчадалами». «Камчадалы, — писал С. П. Крашенинников, — как северные, так и южные, называют себя *ительмень*, житель...» [107, с. 358].

В Советское время принято отличать ительменов от камчадалов. Камчадалами называют потомков от браков русских с ительменами. Однако камчадалы, говорящие на русском языке, по переписи 1926 г. были отнесены к русским, что соответствовало их самосознанию [40, с. 41].

У ительменов из-за их малой численности (всего 1400 человек)

нет своей автономии, живут они преимущественно в Корякском автономном округе (свыше 1000 человек), по западному побережью полуострова [42, с. 217], остальные — в других районах Камчатки.

Язык ительменов не похож ни на какой другой, однако по некоторым признакам исследователи относят его вместе с чукотским и корякским к северо-восточной группе палеоазиатских языков [58, с. 294—333], хотя у ительменского много своих особенностей, своеобразия и отличий [63, с. 211].

Камчатка — одна из самых удаленных от основных промышленных районов страны территория советского Дальнего Востока. Это и сегодня пока еще серьезно сдерживает развитие ее производительных сил.

До сих пор отсутствуют сухопутные дороги, соединяющие Камчатку с «Большой землей», и поэтому она находится на положении острова, куда можно попасть морскими судами в период навигации или прилететь самолетом.

В географическом отношении Камчатка — это страна природных контрастов, необычайного своеобразия, покоряющей суровой красоты, сурового климата со средней годовой температурой на севере от -4° до -7° , на юге — от 0° до $+2^{\circ}$. Зима на Камчатке наступает в конце сентября — начале октября и длится 6—7 ме-

* При написании терминов и отдельных ительменских слов использована транскрипция, предложенная Т. А. Молл [123, с. 198].

сяцев и более при очень коротком лете. Это край более чем трехсот вулканов, многие из которых — действующие, а также множества гейзеров, термальных и минеральных источников. Здесь простирается тундра и возвышаются горы. Есть здесь и богатые рыбой реки, разнообразные дикоросы.

В. Н. Тюшов, посетивший в конце XIX в. места расселения ительменов по западному побережью Камчатки, писал: «...жить в Камчатке и быть лентяем... нельзя в силу непреодолимых естественных условий, вынуждающих жителей снискивать себе насущный кусок непрестанной и тяжелой борьбой с природой Камчатки» [199, с. 436].

Честь географического открытия Камчатки и первого знакомства с ее коренными обитателями — коряками и ительменами — принадлежит русским землепроходцам И. Голыгину, Л. Морозко и В. Атласову, совершившим походы в конце XVII в. Первые русские землепроходцы увидели здесь «каменный век», выражавшийся в низком уровне развития хозяйства и быта коренного населения. Даже С. П. Крашенинников, побывавший на Камчатке через 40 лет после похода В. В. Атласова, сообщал: «Прежние камчатские металлы... были кость и камень. Из них они делали топоры, ножи, копья, стрелы, ланцеты и иглы. Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также и из яшмы, наподобие клина, и привязывались ремнями к кривым топорищам плашмя... Ими они долбили лодки, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года» [107, с. 380].

С присоединением Камчатки к России произошли существенные изменения в расселении и численности ительменов.

За 220-летнюю историю ительменов в составе царской России их общая численность уменьшилась почти в четыре раза и резко сократилась территория их обитания. Причин

тому было много. Это прежде всего суровая среда обитания, нередко способствовавшая сильному голоду и заболеваниям населения, жившего в антисанитарных условиях. Уменьшение численности ительменов происходило и от постоянных межобщинных столкновений, отличавшихся жестокостью [101, с. 27]. Колониальная политика русского царизма, принявшая на далеких окраинах империи жесткие формы, также стояла не в последнем ряду этих причин, поскольку для ительменов не были легкими государственные повинности — ясак, транспортная повинность и др. Их тяжесть усугублялась тем, что примитивное рыболовство и охота аборигенов не создавали прибавочного продукта, и поэтому уплата ясака и другие повинности могли идти только за счет необходимого для их существования минимума [140, с. 17—22].

Много жизней ительменов уносили частые эпидемии. Так, например, участник экспедиций Витуса Беринга С. Ваксель отмечал, что между ительменами «... жестоко свирепствовала оспа, от которой умерло несколько тысяч человек» [44, с. 120]. После этого была зафиксирована новая эпидемия оспы, унесшая в течение 1768—1769 гг. более половины коренного населения. Посетивший в середине XIX в. Камчатку исследователь-геолог К. Дитмар записал в своем дневнике: «Если не считать Авачинской губы, то весь восточный берег Камчатки, от мыса Лопатка до устья реки Камчатки, теперь лишен всякого человеческого жилья» [79, с. 264].

Важной причиной разорения и вымирания ительменов была также их неэквивалентная торговля с царскими купцами и приказчиками, сопровождаемая закабалением и спаиванием коренных жителей. В 1910 г. сам камчатский губернатор генерал Перфильев вынужден был в своем отчете Приамурскому генерал-губернатору отметить: «Условия, в которых живет население Камчатки, крайне тяжелы... Жилищем камчадалам служат жалкие хибарки, сырые и холодные, где иногда ютится 2—3 семьи.

Хлеб и даже чай являются роскошью» [315, л. 7].

Вместе с тем очень важно отметить, что с присоединением к России в судьбах ительменов наступило главное: они испытали на себе благотворное влияние русского народа с его неизмеримо более высокой культурой.

Русские люди охотно селились вблизи ительменских поселков и вступали в тесное общение с аборигенами. Заселение Камчатки шло относительно быстрыми темпами. Так, уже к началу XVIII в. выросли три крупных русских поселения: Верхнекамчатск, Нижнекамчатск и Большерецк, и одних только служилых и промышленных людей насчитывалось там почти 200 человек [138, с. 152]. Русские впервые завезли на Камчатку лошадей и крупный рогатый скот, научили ительменов огородничеству. К аборигенам стали поступать металлические изделия, огнестрельное оружие, ткани [147, с. 468]. Ительмены весьма охотно начали вступать в теснейшие контакты с русскими крестьянами, довольно частыми стали смешанные браки.

Все это не могло не сказаться на хозяйственной жизни и культуре ительменов. Под влиянием русских у них вместо архаичных каменных и костяных орудий вошли в употребление железные орудия труда; вместо сырых и темных землянок появились срубные из дерева избы. Коренные жители стали заниматься огородничеством, охотно носили русскую одежду, перенимали русский язык, добровольно отдавали своих детей в миссионерские школы.

Сравнивая новую жизнь ительменов с их жизнью до прихода русских, С. П. Крашенинников записал: «Токмо ныне во всем последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые . . . стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию. . . Во многих местах, не токмо у тойонов, но и у простых людей построены избы и горницы по российскому обыкнове-

нию. . . Заведены там и школы, в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих. Таким образом, в краткое время много варварства без сомнения искоренится» [107, с. 372—373].

Можно с уверенностью сказать, что ни один другой народ Северо-Востока Азии не усвоил в такой степени прогрессивные традиции русской культуры, как ительмены. Это нашло отражение и в знании большинством ительменов русского языка, и в относительно высокой грамотности еще в дооктябрьскую эпоху их истории. Даже в народное декоративное искусство органично вошли русские материалы и технико-художественные приемы, а также элементы орнамента [87, с. 430].

В свою очередь некоторые элементы и навыки самобытной культуры ительменов не могли не быть заимствованы и русскими, которые быстро научились мастерить легкие, изящные ездовые собачьи нарты-сани, изготавливать из бересты оригинальные, весьма практичные чуманы-туески для сбора лесных ягод, плести из волокон крапивы сумочки, циновки, коврики, шить торбаса из кожи и меха северного оленя.

Следовательно, шел процесс взаимовлияния и взаимодействия двух культур. И если основой влияния русского населения на аборигенов Камчатки был более высокий уровень его материальной и духовной культуры, то ительмены передавали русским пришельцам веками приспособленный к местным природно-географическим условиям хозяйственно-бытовой уклад жизни северян. И, как верно заметил И. И. Огрызко, в результате этого взаимовлияния и взаимообогащения сформировался синтез положительных элементов двух культур [140, с. 184].

Приход русских на Камчатку характеризовался, таким образом, двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, плоды и давление колониальной политики господствующих классов России, вплоть до 1917 г., и с другой — огромная экономическая помощь краю, хозяйственные кон-

такты местных жителей с русским трудовым населением, духовные, культурные контакты с русской интеллигенцией — учеными, землепроходцами, миссионерами. Все это объективно способствовало преодолению отсталости аборигенов Камчатки. Но полного выравнивания уровней экономического и культурного развития коренного и русского населения Камчатки в условиях колониальной политики царизма не произошло.

Только новый социальный строй, основанный на равноправии всех наций и народностей, мог привести к подлинному их сближению. «Социализм, — учил В. И. Ленин, — организуя производство без классового гнета... облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций» [3, с. 21].

Ленинская программа по национальному вопросу предусматривала прежде всего ликвидацию культурной отсталости и неграмотности туземного населения. Большую роль в этом деле сыграл созданный в первые годы Советской власти Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК. Этот Комитет должен был способствовать планомерному развитию малых народов в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях. Иными словами, он был призван осуществлять ленинскую национальную политику среди народностей Севера.

Материал, обобщенный в этой книге, отражает те большие изменения в материальной и духовной культуре ительменов, которые произошли за годы Советской власти.

Читатель увидит, как, расширяя свои традиционные навыки и знания, продолжая заниматься охотой и рыболовством, они приобщились к новым для них видам хозяйства, каких успехов добились в животноводстве и овощеводстве, в производстве многих видов сельскохозяйственной продукции, как перестроили быт и т. д.

Но самым, пожалуй, выразительным, самым наглядным свидетельством коренных прогрессивных пере-

мен в жизни ительменов служат факты, относящиеся к развитию культуры.

Сегодня среди ительменов немало хороших специалистов, высокообразованных врачей, учителей, работников культурно-просветительных учреждений и науки. В крае хорошо знают, например, имена мастериц декоративно-прикладного искусства Ульяны Дьяконовой и Любви Толман, видных деятелей национальных культур Татьяны Лукашкиной и Валерия Запороцкого, кандидатов наук Надежды Старковой и Василия Светышева, многих других уважаемых и известных людей.

И этот опыт возрождения духовной и материальной культуры аборигенов Камчатки, интерес к их истории и культуре имеют, несомненно, большое значение как у нас в стране, так и за рубежом, поскольку показывают всю несостоятельность буржуазных реакционных концепций о неких «высших» и «низших» расах, о делении народов мира на «исторические» и «неисторические».

Коллектив авторов данной монографии и ставил перед собою главную задачу — показать, что и у такого маленького народа, как ительмены, существует своя большая, собственная история, и своя самобытная культура, равно как имеются и продолжают оставаться многие нерешенные вопросы, и прежде всего самый острый и главный из них — не только сохранить аборигенное население Камчатки от исчезновения в результате ассимиляции, но (хотя бы!) стабилизировать его численность, сохранить и обогатить национальную культуру. Напомним, что сегодня на территории нашей страны проживает всего 1400 ительменов!

В истории и культуре ительменов советского периода как бы отразился весь трудный и сложный опыт прокладывания новых путей социального прогресса, создания всех необходимых условий для полнокровной жизни человека труда, независимо от его национальной принадлежности. Ительмены, как и все народы СССР, ныне

(ЛГПИ им. А. И. Герцена — И. И. Огрызко; ГМЭ — Е. П. Орловой; ЛОИЯ — А. П. Володина).

Настоящую книгу подготовили авторский коллектив:

Введение — *Н. В. Кочешков*;

История изучения ительменов. Численность и расселение. — *Н. К. Старкова*;

Этногенез и этнические связи ительменов — *И. С. Вдовин*;

Хозяйство — *Н. К. Старкова, В. А. Тураев*;

Материальная культура — *Н. К. Старкова*;

Общественный строй и социальные отношения — *И. С. Вдовин*;

Национально-государственное строительство; Социально-экономическое

строительство (1917—1987 гг.); Семья и брак — *В. А. Тураев*;

Верования и культы; Народные знания — *Н. К. Старкова*;

Язык и фольклор — *А. П. Володин*;

Литературно-художественное творчество — *Л. Я. Иващенко*;

Народное образование и подготовка кадров; Культурно-просветительная работа — *В. А. Тураев*;

Народные танцы — *С. Ф. Карабанова*;

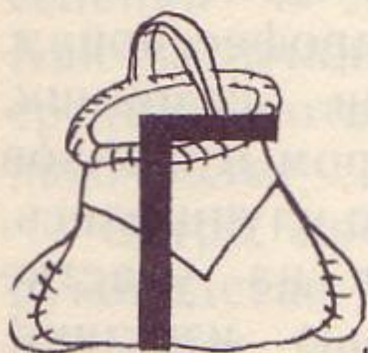
Народное декоративное искусство — *Н. В. Кочешков*;

Охрана здоровья, физическая культура — *В. А. Тураев*;

Фотоиллюстрации и рисунки — *Н. К. Старковой и Н. В. Кочешкова*;

Техническая подготовка рукописи осуществлена *Н. В. Васильевой и Д. Ж. Цыбикжаповой*.

Поселения, жилые и хозяйственные постройки

Главное занятие ительменов — рыболовство определяло и выбор места для их поселений. Они располагались у рек, богатых рыбой, на террасах, не подвергавшихся сезонному половодью.

В конце XVII—начале XVIII в. селения (острожки) представляли собой одну, реже две—четыре полуземлянки, служившие зимним жилищем, а вблизи их сооружали большое количество балаганов — свайных построек, в которых жили летом. Судя по материалам С. П. Крашениникова и Г. В. Стеллера, поселения ительменов до 40-х гг. XVIII в. соответствовали семейным общинам. Расселялись они на одной реке и были связаны кровным родством и единством рыболовных угодий. «Всякой острожек ту реку, при которой живет, почитает за владение своего рода, и с той реки на другую никогда не переселяется» [107, с. 378].

Одновременно начался процесс выделения отдельных семей из указанных общих поселений. «Естьли по какой нибудь причине одна или несколько семей пожелают жить особливыми юртами, — писал С. П. Крашениников, — то делают оные выше или ниже острожка по той же реке или по посторонней, которая течет в реку их. Чего ради думать можно, что на всякой реке живут сродники, которые происходят от одного прародителя» [там же]. Обычно все родственники жили в одной полуземлянке. Интересно отметить, что в настоящее время северные ительмены термином *атнэм*

обозначают и «дом», и «поселение» (поселок, село).

В конце XVII в. насчитывалось 120 поселений, названия большинства острожков соответствовали названиям рек, на которых они располагались. Очень часто их называли именами старейшин, назначенных администрацией. Некогда часть острожков получила свои наименования от русских по их местонахождению: Кресты, Козыревское, Голыгино, Ключи и т. д. [141, с. 176—197].

Начиная с XVIII в. число ительменских острожков сокращается. Так, в 1730 г. их насчитывалось 91 [30, с. 417—418], а к 1770 г. уменьшилось до 74 [141, с. 197]. Это сокращение произошло по разным причинам: в силу ассимиляции ительменов с русскими, а чаще вследствие эпидемий, распространения заразных болезней, иногда уносящих из жизни почти всех жителей острожков. Еще более сократилось число поселений во второй половине XVIII—XIX вв. Согласно Первой Всероссийской переписи 1897 г., камчадалы и ительмены оказались расселенными в 35 пунктах. Причем только около 42 % проживающего в них населения показали своим родным языком ительменский, остальные — русский [148, с. 914—920]. По данным В. Н. Тюшова, в конце XIX—начале XX в. аборигены Камчатки жили в восьми селениях западного побережья [199, с. 61—62], а в остальных указанных переписью 1897 г. пунктах жили камчадалы, близкие по быту, материальной

культуре и внешнему облику к ительменам.

В конце XVII—первой половине XVIII в. большинство острожков были небольшими по размерам и насчитывали от 20 до 100 жителей, если считать в среднем семью в пять человек. Лишь в 15 острожках население составляло более 150 человек, и только в Машуре — около 400 человек. «А в остроге в одной зимней юрте, — отмечал В. Атласов, — а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и по 150» [101, с. 32].

Сопоставляя все вышеизложенные данные, В. В. Антропова пришла к выводу, что в момент прихода русских на Камчатку в основе организации поселений лежал родовой или кровно-родственный принцип, они имели сравнительно большой численный состав, а в 40-е гг. XVIII в. острожки дробятся на мелкие домохозяйства, хотя родственные связи еще сохраняются [27, с. 142].

Во второй половине XIX в. количество местных жителей в поселениях увеличилось в среднем в 1.5—1.9 раза (данные 1852 и 1897 гг.) [79; 199].

Количественный и национальный состав, динамику численности ительменских сел в Советское время можно проследить по данным переписей: Приполярной 1926—1927 гг., всесоюзных 1970 и 1979 гг. и похозяйственных книг сельсоветов. В 20—30-х гг. ительмены были расселены в 11 населенных пунктах Тигильского района, начиная с с. Сопочного на юге, кончая с. Воямполкой на севере [189, с. 24—27]. В большинстве поселений проживало от 70 до 100 человек. В селах Хайрюзово, Напана и Воямполка было зафиксировано смешанное население: вместе с ительменами жили коряки и русские [204, с. 15].

За годы Советской власти в связи с коллективизацией произошла концентрация населения и появился ряд крупных поселков.

В настоящее время ительмены расселены в основном в трех селах: Тигиль, Ковран, Хайрюзово, где с ними живут русские, украинцы, коряки и

другие представители народов нашей многонациональной страны.

Типы поселений. Согласно сведениям исследователей XVIII в., поселения аборигенов Камчатки были постоянными и сезонными (промысловыми). Первые располагались в большинстве случаев на берегу рек, в приустьевой части. В каждом из них имелись зимние жилища, в которых жили с начала ноября и до начала апреля, и летние — балаганы. Обычно число жилищ в поселениях различно. Так, в 30-е гг. XVIII в. в большинстве селений было по одному—двум жилищам и лишь в с. Ешкун и Камаки — пять, а в с. Машура — девять зимних жилищ [30, с. 414]. В зависимости от того, сколько семей жило в землянке, столько было летних жилищ — балаганов. Постройки располагались беспорядочно, и «все остроги были до прихода русских всегда со всех сторон окружены частоколом или земляным валом, а также камнями с целью хотя бы некоторой защиты от нападения соседей» [230, л. 271].

Под влиянием русских ительменские острожки меняли свой внешний облик. Г. А. Сарычев, посетивший полуостров в конце XVIII в., писал: «Сравнивая нынешнее состояние камчадалов и образ их жизни с описанием г. Крашенинникова, нашли мы великую перемену. . . Юрт их или землянок нигде не видно, а вместо того построены везде русские избы» [170, с. 125—126]. Как отмечают очевидцы, почти в каждом селении строились церкви или часовни, а в XIX—начале XX в. при домах имелись балаганы, служащие преимущественно хозяйственными постройками, и вешала для вяления рыб. Однако характерной особенностью поселения по-прежнему была беспорядочность в планировке. Кое-где появились небольшие огороды и постройки для содержания домашних животных — коров, лошадей.

Кроме острожков в XVIII—начале XX в. были и так называемые летовья, или летники, — временные поселения на местах промыслов. «Оседлые туземцы Северной Камчатки обыкновенно имеют два помещения, в кото-

Летний травяной шалаш и балаган (по В. И. Иохельсону).

рых живут они в различные времена года, — сообщал Дж. Кеннан, — ... зимняя и летняя и отдалены друг от друга на 5 верст. В первом помещении, обыкновенно расположенном в нескольких верстах от моря, под прикрытием гор и лесов, они живут от сентября до июня. Летнее помещение строится исключительно с целью рыбной ловли, у устья рек, и состоит из нескольких юрт. ... 8 или 10 конических балаганов. ... и большого количества деревянных рам для сушки рыбы. В это рыболовное селение все жители перебираются в начале июня, оставляя совершенно пустынными свои зимние жилища. ... Как только рыбный сезон кончен, камчадалы прячут свою сушеную юколу в балаганы и возвращаются в свои зимние квартиры для необходимых приготовлений к ловле соболей» [99, с. 102—103].

В 20—40-х гг. XX в. все еще сохранялась традиция бытования двух поселений — постоянного и временного. Так, Е. П. Орлова в 20-х гг. XX в. сообщала: «Селение Утхолок разбито на два: летнее стойбище, расположенное в самом устье, является местом морского и отчасти рыбного промысла, в нем население проводит почти поло-

вину времени; и зимнее стойбище в 30 верстах от моря, куда съезжаются на зиму, а весной промышляют для себя рыбу. ... Селение Ковран. ... тоже разбивается на два: летнее — в одной версте от моря и зимнее — в двенадцати верстах» [143, с. 68—69].

За годы социалистического строительства выросли иные — колхозные селения, большие по размеру, радиофицированные, с новым комплексом жилых, хозяйственных и общественных построек. Все они связаны между собой телефонной линией, различными видами транспорта.

В современных поселениях важное место занимают общественные здания, хозяйственные и подсобные постройки колхозов. Обычно в центре села стоят школа, клуб, правление колхоза, сельсовет, магазины. Подсобные хозяйственные сооружения (птицеферма, лесопилка, скотный двор, электростанции и др.) расположены, как правило, на окраине села. Все общественные здания имеют срубную конструкцию.

Центром всей общественной и культурной жизни села является клуб, в одном здании с которым обычно располагается и библиотека. Наиболее

благоустроены помещения школ, интернатов и детских комбинатов. Все здания типовые, светлые, с водяным отоплением. Обычно рядом со школой и интернатом располагаются вспомогательные учреждения: мастерские, хозяйственные постройки, пришкольный участок. Чем многочисленнее поселок, тем крупнее комплекс школьных зданий.

В каждом селении имеются медпункт и больница со стационаром, а в таких селах, как Тигиль, Усть-Хайрюзово, создан целый ряд оздоровительных учреждений: больница, амбулатория, аптека и пр.

Неотъемлемой частью всех поселений стали магазины со складами для промышленных и продовольственных товаров, пекарни, электростанции, хозяйственные и подсобные постройки колхоза: помещения для крупного рогатого скота, птицефермы, конюшни, овощехранилища, склады, гаражи. Большинство из них построено по типовым проектам.

В настоящее время продолжается большое жилищное строительство, появляются новые школы, больницы, клубы, магазины, культурно-просветительные и общественные учреждения, строительство которых осуществляется за счет государства и колхозов. Все мероприятия направлены на дальнейшее улучшение быта и повышение культуры местного населения.

Немаловажное значение в характеристике поселения имеет индивидуальная усадьба — комплекс жилых, хозяйственных и бытовых сооружений. Они тоже стали иными — по форме и размерам. Они различны и в зависимости от топографических условий, и от значимости в хозяйстве таких занятий, как огородничество. Преимущественно дворы имеют четырехугольную форму, и их значительную площадь занимает зеленый сектор, куда входят огороды, иногда ягодники, клумбы с цветами.

Большие усадьбы имеют жители таких сел, как Тигиль и Хайрюзово, на которых явно сказалось влияние русского населения. Они представляют собой обнесенные забором пло-

Ительменский балаган.

щади, внутри которых находятся жилые дома, небольшие хозяйственные постройки (курытник, маленький сарай для хранения соленой рыбы, соли и других продуктов) и зеленый участок. Рабочий сектор обычно небольшой. Возле дома сложены дрова или бревна. Наиболее распространенное расположение домов — линейное, фасадом на улицу.

Ж и л и щ а. Первые письменные данные о жилищах были сообщены В. В. Атласовым: «А юрты у них зимние земляные, а летные на столбах вышиною от земли сажени по три, намощены досками и покрыты еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам» [101, с. 31]. Более подробное описание устройства полуземлянки дано С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером [107, с. 374; 230, л. 264—265]. Она служила общим жилищем для нескольких родственных семей, и строительство ее было делом всего этого коллектива. При этом существовало половозрастное разделение труда: мужчины выполняли

плотницкие работы, а женщины резали костяными серпами траву, покрывали ею крыши и плели циновки, которыми выстилали пол и завешивали стены внутри жилища. В самом центре находился очаг. Вдоль стен устанавливали спальные нары. Не было их против очага, где обычно стояла домашняя утварь. В некоторых жилищах спали на земляном полу, устланном циновками. У каждого ительмена на месте ночлега хранились все необходимые для работы и домашнего обихода вещи. Входили в жилище по лестнице-стремянке, под которой «обыкновенно очаг бывает, и для того во время топления юрты непривычному трудно войти и выйти из юрты: ибо и лестница так горяча бывает, что ухватиться нельзя; и проходя сквозь дым должно переводить дух, чтоб не задохнуться» [107, с. 375—376].

Полуземлянка, наиболее древнее ительменское жилище, к концу XVIII в. была вытеснена русской избой. Но из-за отсутствия навыков в строительстве домов срубного типа и необходимого инвентаря все ительменские жилища XIX—начала XX в. были неказистыми, со скудной в них обстановкой. Вот что по этому поводу сообщал В. Н. Тюшов: «Маленькие и бедные домики селения, если только можно назвать домиками эти жалкие обитаемые лачуги, с окнами, нередко затянутыми полотнищами из сшитых медвежьих кишок вместо стекол, всегда сырые и крайне грязные... по большей части даже без сеней, не разгороженные никакими перегородками, представляют собой небольшие квадратные срубы, неплотно, по неумению, ставленные, покрытые травяной крышей и с отверстиями для окон... Очень часто пола в таком помещении нет, или, вернее, пол земляной, закрытый сухой травой» [199, с. 127—128]. Дом обычно обогревался печью, сделанной из самодельного необожженного кирпича, основой которой служил так называемый «опечик»: это короткие бревна, сложенные в один или два венца. В помещении стояло 2—3 скамьи, 1—2 табуретки, топчан,

служащий кроватью. Освещались жилища при помощи переносных или закрепленных жирников. Первые представляли собой каменную плешку или ракушку с фитилем из лоскута или мха, наполненную жиром и установленную на деревянную подставку в виде подсвечника. Для вторых в потолке, обычно около печи, делалось отверстие, куда вставлялась деревянная трубка, выходящая в чердачное помещение. К нижнему концу ее привязывался берестяной конусообразный раструб, к которому подвешивалась на веревочках из крапивы или сухожилий дощечка с жирником (все та же каменная плешка или ракушка с фитилем). Трубка и берестяной раструб над жирником служили отводом для образующихся газов и сажи [там же, с. 341—342].

Следует отметить, что в 20—30-х гг. нашего столетия в постоянных поселениях близкие родственники (братья) строили большие срубные жилища размером 50—60 кв. м.

Некоторые ительмены к домам пристраивали сени из бревен или жердей, проложенных сухой травой. В больших жилищах из досок делали несколько перегородок: в переднем углу справа находилась горница, слева — спальня, около печи — кухня и у двери — прихожая. Для гостей стояла кровать, а сами хозяева спали на полу. В прихожей устанавливали стол, на кухне были полочки для посуды и небольшой столик. В каждом доме, в центре спальни, на гвозде, подвешивалась люлька, которая представляла собой кусок холстины, натянутый на деревянную раму.

Иногда строили каркасные дома с пазовыми креплениями. В этих случаях устанавливали 4—6 столбов с прорубленными пазами, куда вставляли горбыли плоской стороной внутрь. Стены обивали дранкой и обмазывали глиной, перемешанной с мелко нарубленной соломой. Все остальные элементы жилого дома конструировались так же, как и в срубной избе.

В некоторых ительменских селах до 40-х гг. бытовали так называемые

землянки-юрты, при постройке которых устанавливали шесть столбов, соединенных переками: четыре одинаковой высоты по углам, два — более высоких по центру. На последних покоился каркас крыши-потолка, который устилали жердями, поверх них накладывали сухую траву. Стены делали из горбылей или тонких жердей, поставленных сплошным рядом. Снаружи стены и крышу обкладывали дерном, внутри штукатурили. В таком жилище было, как правило, два небольших окна — на восток и на юг.

В настоящее время большинство домов ительменов (четырех-, двух- и одноквартирные) представляют собой добротные бревенчатые помещения, оштукатуренные и выбеленные изнутри. Кровельным материалом служат толь, тес или шифер. Потолки в квартирах часто обшиты фанерой и покрашены масляной краской в спокойный цвет (белый, голубой). Окна большие, с двойными рамами и с форточками. Во многих жилищах двери утеплены и имеют внутренние запоры в виде железных крючков или щеколд. Каждый дом и квартира снабжены пристройкой — сенями, половина которых отводится под кладовую для хранения продуктов, одежды, утвари, и крыльцом самой простой конструкции: площадка перед входом и несколько ступенек.

Однокомнатные дома и квартиры обычно разделены при помощи дощатых перегородок на две части: комнату (спальню) и кухню.

В связи с ростом культуры и улучшением материального благосостояния населения изменилась внутренняя обстановка в жилых помещениях.

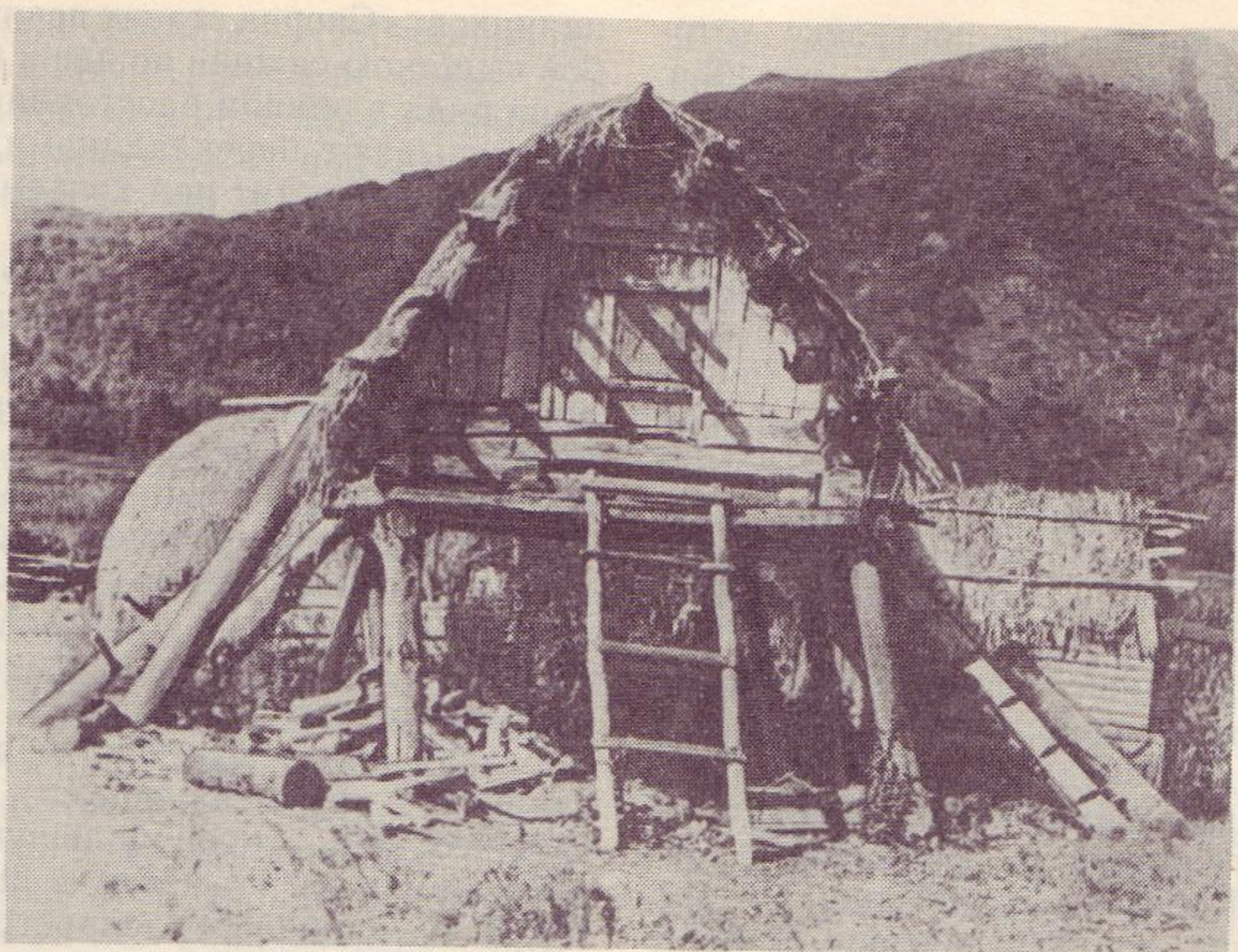
В жизнь ительменов прочно вошли и новые бытовые и культурные навыки: есть за столом, посуду и квартиру содержать в чистоте и порядке, пользоваться постельным бельем и т. д.

Летние жилища. В конце XVII—начале XVIII в. каждая семья имела и летнее жилище, в котором жила с ранней весны до поздней осени. Устройство его описал С. П. Краше-

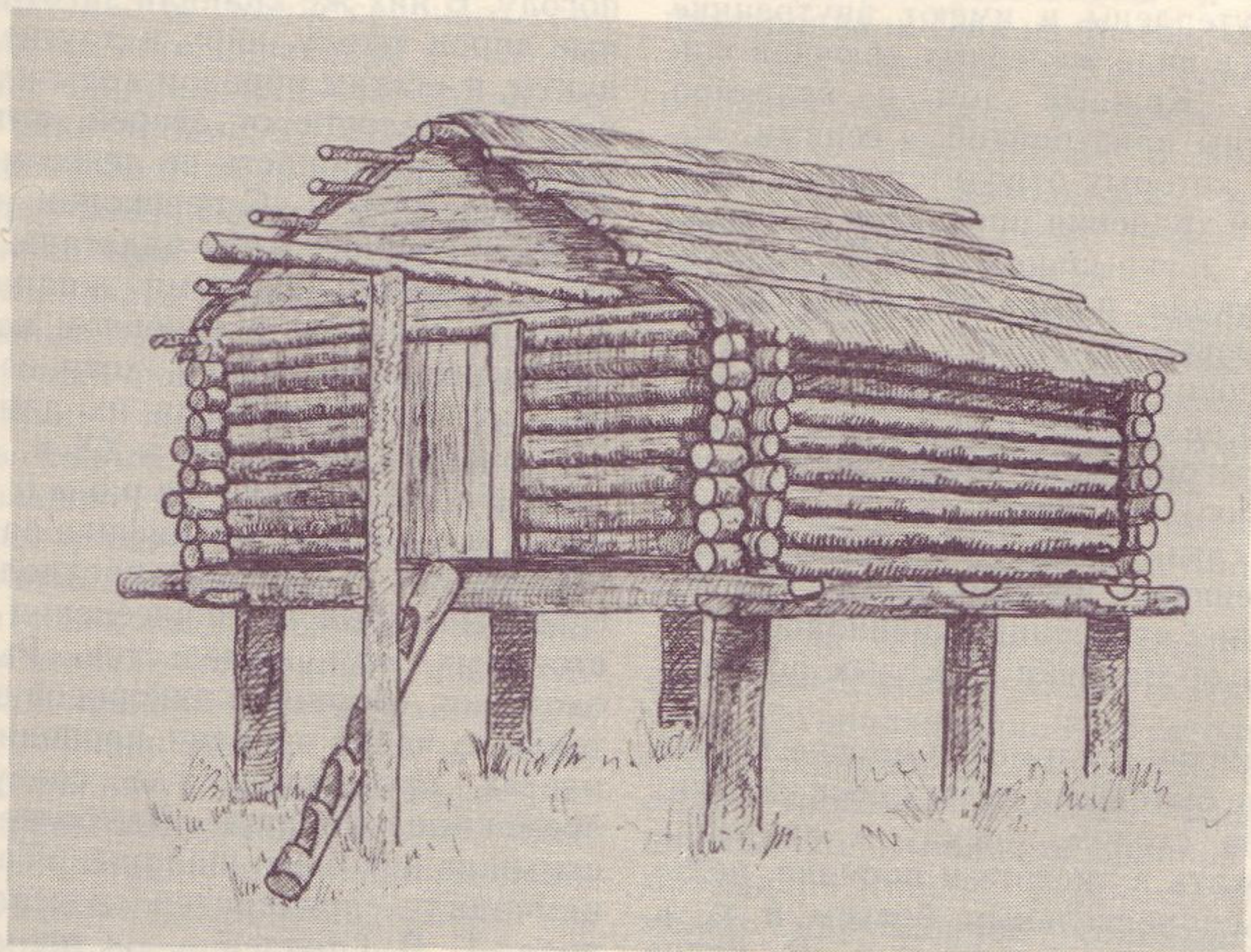
нинников: «Сперва ставят девять столбов вышиною сажени по две и больше, в три ряда в равном расстоянии. Столбы связывают переками, на переках мостят пол кольем и устилают травой: поверх полу делают из колья ж высокой востроверхой шатер, которой, обрешетя прутьями или тонкими кольями ж, покрывают травой. Траву прижимают кольем, а для крепости, чтоб не сносило ветром, концы верхнего колья с концами нижнего связывают ремнями и веревками. Двери у них делаются с двух сторон, одни против других прямо. Ходят на балаганы по таким же лестницам, как в зимние юрты» [107, с. 377]. Конусообразная или четырехскатная крыша ставилась прямо на помост, который имел со всех сторон большую внешнюю площадку [там же, с. 385, 439]. В XX в. наиболее распространенной стала заимствованная двускатная форма крыш.

Свайные постройки строились на местах промыслов, где под ними вяли рыбу или разделявали ее в сырую погоду. В них же хранили заготовленные впрок юколу, икру и другие продукты, и «таким образом корм их хранится в целости от зверей, которые на балаганы попасть не легко могут» [там же, с. 377]. С переходом ительменов в срубные избы балаганы перестали служить летними жилищами, а использовались в основном как хозяйственные постройки, хотя единичные случаи применения их для ночлега наблюдались еще в XX в.

Временные промысловые жилища. Специфика занятий ительменов в прошлом предполагала сезонный отрыв части населения от постоянных мест жительства. Рыбаки, охотники, сборщики дикоросов значительную часть времени проводили на местах промыслов, где сооружали временные жилища. Наиболее простыми из них были шалаши. «Там, где камчадалу приходится ночевать, — писал Г. В. Стеллер, — он тот час же сооружает себе из длинной и высокой травы шалаш; их можно видеть очень часто повсюду на берегах рек и на торфяниках» [230, л. 271]. Для этого

Амбар на сваях (камчадалы), с. Малка, 1967 г. Фото Н. К. Старковой.

Срубный амбар, с. Сопочное, 1940 г. (по Л. В. Дзержинскому).

вырубали четыре палки длиной 1.5—2 м с развилками на конце. Из них делали стойки и укрепляли на расстоянии около двух метров друг от друга. На развилки клали жердь, к которой наклонно приставляли срубленные ветви деревьев. Если погода была хорошая, на этом сооружение шалаша заканчивалось. В случае дождя поверх ветвей или приставленных палок настилали траву. Для прикрытия задней части шалаша также использовали ветви деревьев, поставленные комлями вверх.

Иногда на временных стоянках при сильном ветре устраивали заслон — каркас из палок с наброшенной на него палаткой. На местах промыслов бытовали и более капитальные постройки для жилья. Так, в конце XIX — начале XX в. В. Н. Тюшов дал описание двух промысловых жилищ ительменов. Одно из них встречено у рыбаков с. Сопчного: «Юрта (временное осеннее жилье) . . . представляет собою полукубическую пирамиду, составленную из длинных жердей, прикрытых сверху корой ветлы и травой, которые . . . задавлены рядом таких же длинных, но более тонких палок. В центре она вышиною до 2.5 сажен, в то время как стороны ее — до двух сажен. Наверху, в центре, между жердями имеется небольшое отверстие для выхода дыма. Входное отверстие . . . закрывается на ночь (для теплоты) сколоченной из досок крышкой. Дверь эта прилегает неплотно, и потому большой теплоты . . . в зимнее время ожидать нельзя, если не поддерживать в юрте постоянного огня, который обыкновенно разводится посередине . . . По стенам, во многих жердях вколоты деревянные колышки (спицы) для развешивания одежды и других вещей, а на полу (земляном) вдоль стены — . . . доски, играющие роль скамей» [199, с. 327—328].

Временная постройка другой конструкции была встречена им у ительменов с. Коврана. Она представляла собой двускатный шалаш, со всех сторон покрытый травой. Входом в него служила узкая невысокая дверь, сколоченная из двух досок. Она держа-

лась на деревянных петлях. На середине постройки имелось отверстие, служащее для выхода дыма. Очаг располагался в центре, над ним при помощи кольев укреплялась палка (поперечина), на которую подвешивали крючки для чайников и котлов. Пола не было [там же, с. 425].

До 50-х гг. нашего столетия на местах промыслов, во временных поселениях обычно строился один большой шалаш (юрта), внутри которого каждая семья размещалась в отдельной палатке или пологе. Устройство каркаса юрты аналогично каркасу вышеописанной землянки. Отличие состояло в том, что на каркас летнего жилища сначала настился слой коры тополя, затем — сухой травы. Все покрытие скреплялось жердями. Шалаш имел дощатую дверь. Очаг обкладывался бревнами, над ним подвешивали жерди для сушки одежды и обуви. Около очага устанавливали стол и скамейки. Окон и пола не было. На землю настилали высушенную траву, которую по мере загрязнения сменяли свежей.

На местах зимних промыслов строили жилища той же конструкции, что и летние, только снаружи обложенные дерном. На фронтонах крыши делали небольшие окна. В помещении устанавливали железную бочку с прорубленной дверцей и трубой, используя ее в качестве печи; вдоль стен ставили нары, в центре — стол со скамейками.

У ительменов с. Сопчного продолжали бытовать промысловые шалашы пирамидальной формы, встреченные еще В. Н. Тюшовым в конце XIX в. [там же, с. 327—328]. За последние 40—50 лет произошли некоторые изменения в устройстве такого рода шалашей. Основой пирамидальной постройки стал венец из бревен, сложенный «в лапу». На нем делали углубления для восьми наклонно поставленных бревен, скрепленных вверху. На эти бревна горизонтально прибавляли жерди, на которые укладывали кору деревьев и траву. Все покрытие сверху придерживалось поставленными вертикально жердями.

Охотники на пушного зверя, которым приходилось часто переезжать с места на место, в качестве временного жилья стали использовать парусиновые палатки с небольшой печкой-камином, сооружать палатки и на рыбалках. Устанавливали их внутри юрты в основном для защиты от комаров и мошек. В настоящее время на местах промыслов построены утепленные охотничьи избушки.

Хозяйственные и подсобные постройки. Некоторые хозяйственные постройки по своей конструкции очень схожи с жилыми. Так, в XVIII в. на летних промыслах делали травяные шалаши, «которые по-камчатски *бажабаж*, а по-русски *барабарами* называются. В них они по большей части есть варят и рыбу чистят в ненастную погоду, а казаки соль варят из морской воды» [107, с. 377]. Эти постройки аналогичны временным шалашам, которыми пользовались в пути для ночлега.

В связи со строительством изб русского типа балаганы стали служить преимущественно хозяйственными постройками. В начале XX в. В. Л. Комаров отмечал: «Там, где русское влияние сильнее, балаганы перестают служить жильем, и, сообразно этому, верхнее помещение их превращается в амбар для хранения юколы и теряет открытую часть платформы, окружающей жилое помещение у балаганов» [102, с. 414].

Для хозяйственных нужд ительмены строили срубные амбары, конструкция которых заимствована от русских [199, с. 156].

С распространением среди ительменов нового занятия — животноводства почти на каждой усадьбе появились постройки для скота, хотя и самые примитивные. «Помещения для скота, так называемые... стаи, представляют собою где крытые, а где и некрытые срубы, с температурой наружного воздуха» [там же, с. 408]. Усадебные постройки были много хуже жилых домов. Хлева или вовсе отсутствовали, или представляли собою плоскую кровлю на четырех столбах, на которой зимой находился запас

сена. Внизу стояли коровы, причем от ветра и стужи не было другой защиты, кроме снежных сугробов, легко образующихся около построек. Лошадей ительмены привязывали к плетню без всякой защиты от снега и пурги, а ездовых собак летом привязывали где-либо за деревней, по возможности у самой воды [102, с. 413].

Распространенной хозяйственной постройкой, бытовавшей до 50-х гг. нашего столетия, был амбар. Сруб его стоял, как правило, на небольших сваях. Бревна скреплялись «в угол», крыша в большинстве случаев была «самцовой» конструкции. «Самцы» (это продолжение бревенчатой стены вверх треугольником) служили опорой для продольных слег и жердей. Вершины обоих треугольников соединялись толстым бревном «князьком». Потолка не было, а на его уровне на балках делали настил, на котором хранили в зависимости от сезона зимнюю или летнюю одежду и обувь, материал для их пошива, берестяную утварь и т. д. Кровельным материалом служила трава, скрепленная жердями.

Амбар подобной конструкции, по мнению группы авторов книги «Хозяйство и быт русских крестьян», очень древнего происхождения и в XVII—начале XX в. был известен преимущественно северным и центральным районам России [34, с. 128]. Возможно, выходцами из этих районов он был перенесен на Камчатку.

Наиболее распространенными были небольшие амбарчики с полом и крышей на сваях высотой в 1—1.5 м, имеющие сруб в 3—4 венца. Назначение их аналогично большим амбарам. До недавнего времени бытовали «шайбы»-ящики, представляющие собой срубы в 4—5 венцов из коротких бревен и покоящиеся на сваях высотой около двух метров. Иногда их располагали на деревьях, прикрывая горбылями, жердями и придавливая сверху камнями или бревнами. Такие хранилища ставили и в поселениях, и на местах промыслов.

Из подсобных сооружений в 20—50-е гг. XX столетия известны постройки для скота. Это каркасные соору-

жения, обложенные дерном, с соломенной крышей, под которой хранили запасы сена. Внутри помещение разделялось изгородью из жердей на столько отделений, сколько в хозяйстве имелось голов скота. В настоящее время в личных хозяйствах ительменов скота нет.

В послевоенное время в некоторых хозяйствах ительменов появились коптильни. Это обычно небольшая постройка в 3 или 4 кв. м, каркас которой обтянут телью или мешковиной, внутри в один или два ряда укрепляют жерди, на которые развешивают рыбу. Внизу роют яму для костра.

До 50-х гг. нашего столетия на местах заготовок или в поселениях встречались специальные постройки для копчения кипрея — круглые ямы диаметром 1.5—2 м, над которыми устанавливали полусферические крыши. Их покрывали корой, затем травой, сверху засыпали землей. Внутри делали настил из тонких жердей, на который укладывали для копчения сердцевину кипрея. При значительных заготовках сооружали коптильни больших размеров, делали двойные настилы, поставленные один над другим [191, с. 65—68].

Все вышеописанные хозяйственные постройки в настоящее время почти перестали бытовать; сохранились лишь маленькие амбарчики и вешала на рыбалках сел Хайрюзово и Ковран. При современном быте отпала необходимость в строительстве хозяйственных построек, а запасы продуктов, одежда и обувь, различные предметы быта хранятся в кладовых и в подполье, которые имеются при каждом доме. Все белье, постельные принадлежности и т. п. уложены в чемоданы и сундуки, которые стоят обычно под кроватями или поставлены один на другой у стены и прикрыты накидкой.

Сушила, вешала и другие постройки для заготовки продуктов. Основной постройкой, служащей для вяления рыбы, был балаган. Только в начале XVIII в. он одновременно служил в качестве летнего жилища и помещения для хранения заготовленных продуктов, а под

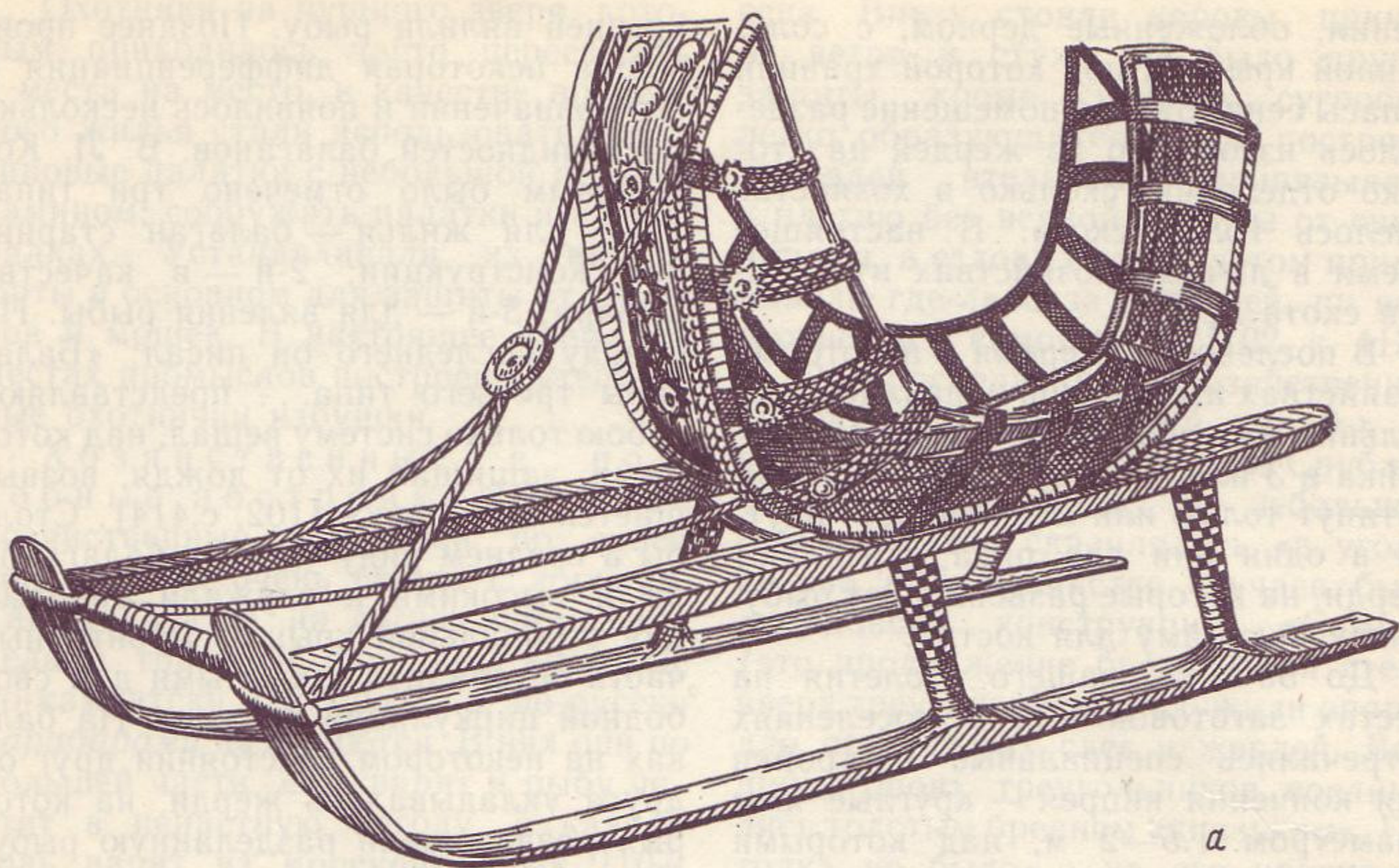
крышей вялили рыбу. Позднее произошла некоторая дифференциация в его назначении и появилось несколько разновидностей балаганов. В. Л. Комаровым было отмечено три типа: 1-й — для жилья — балаган старинной конструкции; 2-й — в качестве амбара; 3-й — для вяления рыбы. По поводу последнего он писал: «Балаганы третьего типа... представляют собою только систему вешал, над которыми, защищая их от дождя, возвышается амбарчик» [102, с. 414]. Столбы в среднем ряду у таких балаганов были высокими и служили опорами для стропильной крыши. Фронтонные части оставались открытыми для свободной циркуляции воздуха. На балках на некотором расстоянии друг от друга укладывались жерди, на которых развешивали разделанную рыбу. Под любым балаганом на высоте 1—1.3 м строили жердяной настил, который держался на бревнах, уложенных на столбы с развилками. Последние вкапывались рядом со сваями для балагана. Под настилом в плохую погоду разделявали рыбу. На него же ставили нарты, клали снасти [191, с. 67—68].

В поселениях рядом с жилищем, на рыбалках недалеко от берега реки строили вешала, представляющие собой прочно вкопанные четыре столба, на которых покоились два тонких бревна. На такие вешала высотой около 2 м ставили нарты, летом на них сушили сети и другие снасти. Иногда поперек бревен клали жерди, на которые развешивали рыбу для вяления.

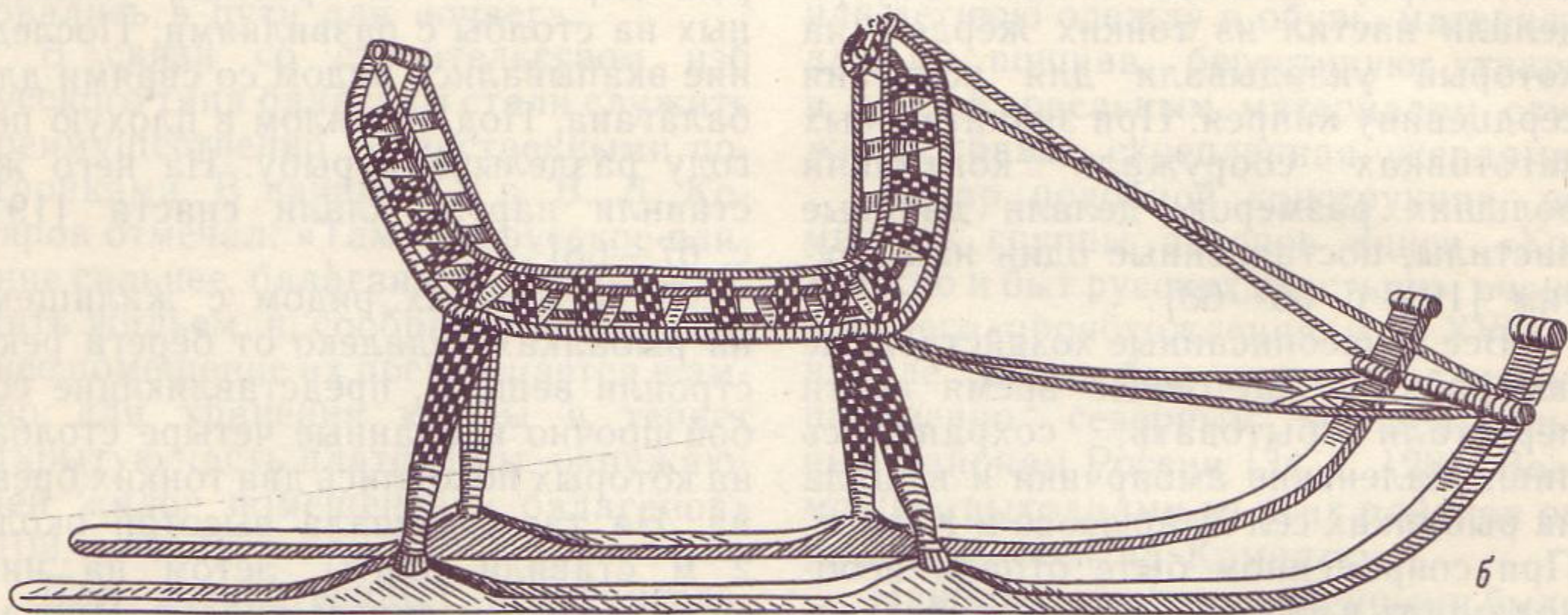
На местах промыслов, кроме постоянных, имелись и временные вешала. Устройство их такое: на четыре опорные стойки, каждая из которых представляла треножник из рогулек, клали два бревна, а поперек последних — жерди. На них вялились рыба и икра.

Способы и средства передвижения

Из всех элементов материальной культуры способы и средства передвижения ительменов изучены и описаны

a

б

Типы ездовых нарт: *a* — чукотско-камчатский тип; *б* — старинные ительменские.

наиболее полно [109; 31; 28; 29; 91]. Занимаясь рыболовно-охотничьими промыслами, ительмены вынуждены были много передвигаться. Но поездки на далекие расстояния были редки. По этому поводу Г. В. Стеллер отмечал: «Если они в прежние времена уходили дальше, чем требовала охота и добывание пищи, то это делалось только для посещения друзей или же в случае войны» [31, с. 89]. С присоединением Камчатки и обложением мест-

ного населения ясаком охота на пушных зверей стала особой отраслью хозяйства и потребовала увеличения переездов. Этому же способствовали «каюрская гоньба» (разъезды административных лиц), развитие торговли.

В прошлом упряжное собаководство было единственным зимним видом транспорта. Использование собаки в качестве тягловой силы, как наиболее простой и древний способ, известно

многим народам Сибири, Дальнего Востока, индейцам Америки и др. [109, с. 76—80]. Но для ительменов этот вид транспорта не был характерен. По классификации М. Г. Левина [там же, с. 84—85], это был северо-восточный тип, или, как классифицируется в «Историко-этнографическом атласе Сибири», чукотско-камчатский тип (камчатский вариант) упряжного собаководства.

В XVIII—первой половине XIX в. ительмены пользовались двумя видами нарт — ездовыми и грузовыми, которые изготовлялись мужчинами зимой. Материалом служили береза и кожаные ремни.

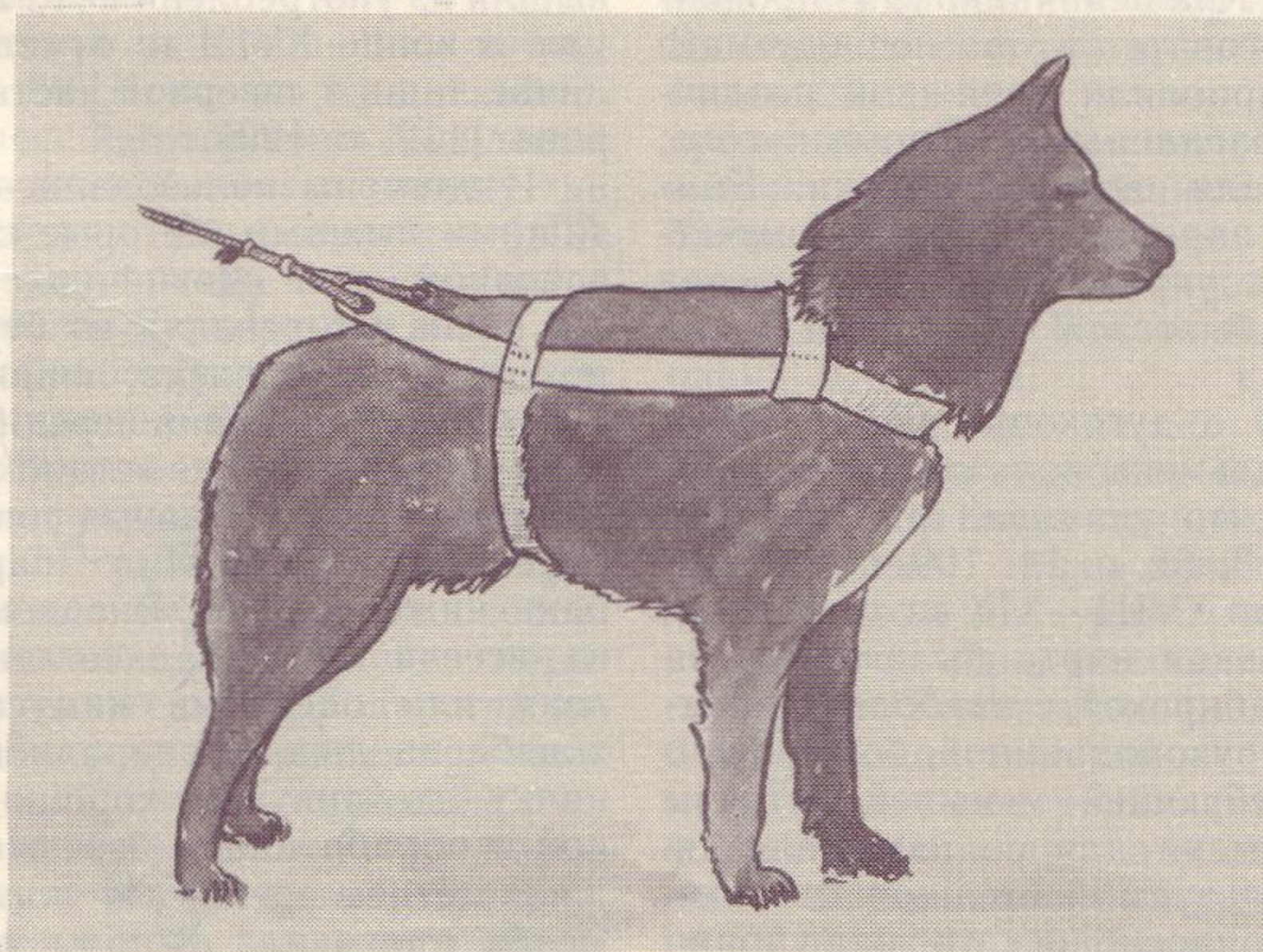
Ездовая нарта состояла из двух полозьев, передние концы которых были загнуты и соединены поперечиной. К последней привязывали собачью упряжку и ремни, идущие от кузова. Два дугообразных копылья концами закрепляли к полозьям. На верх копыльев устанавливали и привязывали узкий кузов, имеющий форму ладьи с высокими передком и задком. Основу его составляли круто изогнутые на концах палки, поперек соединенные дугообразными деревянными пластинками, образующими решетку в форме

седла. Все концы пластинок и палок были соединены ремнем [31, с. 85].

Кроме основных частей нарта имела ремни или дощечки, связывающие головки полозьев и поперечину с нижней частью и верхней точкой передка кузова. По предположению В. В. Антроповой, эти ремни предохраняли полозья от разгибания, которое могло получиться вследствие натяжения поперечины упряжкой собак [там же, с. 83].

Все крепление нарты было мягким; отдельные ее части соединялись при помощи ремней, пропускаемых через просверленные отверстия, или же просто накладывались одна на другую и скреплялись ремешками. Старинные ительменские нарты богато орнаментировались.

Основные части упряжки изготовлялись из ремней: алыка (собачьей лямки), потяга (продольного центрального ремня), постромка (ремня, соединяющего лямку с центральным ремнем упряжки-потягом или нарткой). Судя по описанию ряда авторов и сохранившимся музейным коллекциям, в XVIII—первой половине XIX в. ительмены использовали два типа упряжи: петлю без перемычки, т. е. ло-

Ездовая собака в упряжи восточносибирского типа.

паточную или близкую к ней, и ляжку с перемычкой, т. е. грудную [109, с. 90—91].

В «Историко-этнографическом атласе» оба типа классифицируются как «косая упряжь» [91, с. 66]. Большинство материалов указывает на то, что при камчатском варианте чукотско-камчатского типа упряжного собаководства преобладала продольная упряжка (цугом), когда к длинному потягу, прикрепленному к поперечине, попарно пристегивались собаки при помощи постромок [112, с. 112—113; 79, с. 139]. Но, по предположению М. Г. Левина, продольная упряжка цугом — явление позднее и отражает влияние восточносибирского типа, а наиболее ранней он считает веерную [109, с. 94—95]. Доказательством этому, по его мнению, были упряжка одной старинной ительменской нарты, хранящейся в коллекции Музея антропологии и этнографии, и описание С. П. Крашенинникова, где указывается, что задняя пара собак привязывалась к поперечине нарты, а не к потягу [107, с. 398]. Подобная упряжка описана и В. М. Головинным [62, с. 17].

Садись на нарты боком, с правой стороны. Такая посадка, отмеченная еще С. П. Крашенинниковым, продолжала бытовать и в последующее время. Управляли упряжкой различными возгласами. Кроме того, использовали остол и вожжи. Камчатский вариант чукотско-камчатского типа упряжного собаководства перестал бытовать во второй половине XIX в.

Наряду с дугокопыльной ездовой нартой ительмены пользовались и грузовой, на что указывал ряд авторов [112, с. 113; 62, с. 14; 109, с. 94]. На протяжении XVIII—XIX вв. старинная дугокопыльная нарта была заменена восточносибирской, наиболее практичной и грузоподъемной, более прочной и требующей меньшей затраты сил и времени для ее изготовления.

В используемый ительменами комплекс восточносибирского типа упряжного собаководства входили: прямокопыльная нарта (три-четыре пары ко-

пыльев, прикрепленных ремнями к полозьям, сверху — к поперечным брускам-вязкам, на которых держался дощатый настил) с одной горизонтальной (установленной к согнутым спереди полозьям и закрепленной к передней паре копыльев) и вертикальной (привязанной к тем же передним копыльям) дугами; продольная парная упряжка с косой и прямой грудной упряжью: посадка справа; для управления — остол и вертикальная дуга, и . . . различные возгласы.

Обязательной принадлежностью ительмена были ступательные и скользящие типы лыж. В. Н. Тюшов писал: «Лыжи — это необходимое и ничем не заменимое орудие хождения промышленника. Без лыж не только невозможно ехать или идти в лес для звериного промысла, но часто бывает нельзя привезти дров, сена из ближайших окрестностей селения» [199, с. 414—415].

Ступательные лыжи по своей конструкции очень близки к чукотско-корякским «лапкам». Они служили главным образом для прокладывания дороги собачьей упряжке при глубоком снеге и поэтому были ее неотъемлемой принадлежностью [91, с. 81]. В начале XIX в. ступательные лыжи вышли из употребления. Ж. Б. Лессепс уже в конце XVIII в. отметил их наличие лишь в северной части полуострова [112, с. 120].

Ительмены пользовались и скользящими лыжами, которые служили в основном для охотничьих целей. В XX в. их изготавливали из березы длиной в рост человека, шириной 15—20 см. Для заглубления передних концов лыж использовали «станок» — деревянную раму с двумя поперечными брусками, прибитыми параллельно один ниже другого. Внешняя сторона их всегда обтягивалась шкурой тюленя или оленьими камусами. При ходьбе на лыжах опирались на одну палку, сделанную из хорошо высушенной и обработанной березы.

В летнее время вся жизнь ительменов проходила у воды и на воде. Рыболовный сезон начинался сразу после ледохода и кончался с первой

вода в них тотчас заливается. Коях-тахтым употребляются по одной реке Камчатке от вершины до самого устья, а в других местах как по Восточному, так и по Пенжинскому морю тахту» [107, с. 382].

Ительмены, охотившиеся на морского зверя, наращивали борта бата дополнительно досками, а для того чтобы лодка не раскололась от удара морских волн, на дне ее специально делали трещину, которую сшивали китовым усом и конопатили мхом или мягкой крапивой [там же, с. 382].

На бату обычно ходили по два человека: один стоял или сидел на носу, другой — на корме. При езде вверх по течению пользовались шестами, это круглая палка из тальника, длиной 2.5—3 м, очищенная от коры и сучков и хорошо высушенная. Нижний конец ее немного заострен или иногда обит металлом. Кроме того, для езды по течению реки изготавливали небольшие однолопастные весла, длиной около 1.2 м.

Для перевозки тяжелого или объемного груза устраивали так называемые паромы, когда сдваивали или страивали баты, скрепляя их поперечными палками, и делали из жердей или досок настил, на который клали груз. Каждая семья имела от одной до трех долбленок.

В прошлом, особенно на озерах, ительмены пользовались небольшими плотами, для чего связывали пять-шесть бревен лыком ивы.

С освоением Камчатки русскими появилось новое транспортное животное — лошадь. В 1879 г. в Петропавловском округе их насчитывалось 675 голов [316, л. 81 об.]. Постепенно ими стали обзаводиться и некоторые ительменские хозяйства. Так, в 1890 г. в национальных селах Петропавловского уезда Камчатской области насчитывалось лошадей: в с. Седанке — 11, в с. Утхолоке — 9, в с. Ковране — 19, в с. Хайрюзове — 16, в с. Морощечном — 9, в с. Сопочном — 7 голов [317, л. 119—133].

Никакого особого ухода за лошадьми не было. В. Л. Комаров писал: «Зимой лошади ходят на свободе в

лесу, особенно по таким местам, на которых много вечнозеленого зимнего хвоща, или стоят привязанными к забору, получая изредка охапку сена; к весне они чуть живы, но пышные весенние травы быстро их поправляют» [102, с. 726]. Использовали их преимущественно как вьючных животных или под седло для переезда из одного поселка в другой.

Из национальных средств передвижения до 50-х гг. нашего столетия сохранялись собачьи упряжки восточносибирского типа, скользящие лыжи, долбленые лодки-баты. Способы их изготовления и использования были традиционными.

Наряду с указанными видами транспорта бытовали и заимствованные. В результате длительного контакта с русскими ительмены освоили изготовление наиболее грузоподъемных и устойчивых дощатых плоскодонных лодок-шлюпок. Больше всего они стали применяться в годы Советской власти, когда хозяйства ительменов были коллективизированы и лов рыбы переместился к устьям рек, где условия были совершенно иными, чем в верховьях (прибой у берега, волнение от ветров, большие глубины и т. д.). Баты этим условиям не соответствовали.

Стало более многообразным использование транспортных животных. С момента установления Советской власти и коллективизации резко увеличилось поголовье лошадей, используемых под вьюк и в качестве тягловой силы. В первом случае на спину животного клали одну или две оленьи шкуры, служащие «потниками». Для груза шили вьючные сумы из кож. Зимой лошадей запрягали в сани для перевозки дров, сена, груза, в волокушки — для вывоза строевого леса; летом — в телеги для переброски груза внутри поселка. Они же использовались для обработки земли. Весь инвентарь, применяемый при этом, был полностью заимствован от русских, но изготавливали его сами ительмены. В последние годы поголовье лошадей значительно уменьшилось в связи с появлением в колхозах техники.

В настоящее время в распоряжении жителей районов, где также расселены и ительмены, почти все виды современных транспортных средств: самолеты, теплоходы, катера, глисеры, машины и т. д. Круглый год работает аэролиния между областным (Петропавловск), окружным (Палана) и районными центрами и пос. Усть-Хайрюзово. С помощью авиации доставляются почта, грузы, медикаменты, вывозятся тяжелобольные и т. д.

Согласно расписанию Камчатского пароходства, регулярно на западное побережье до пос. Усть-Хайрюзова и Усть-Тигиля в летнюю навигацию ходят комфортабельные теплоходы, которые перевозят пассажиров, грузы. Такими же видами транспорта поддерживается связь с населенными пунктами полуострова и материка.

Самобытность общественных отношений ительменов стала быстро исчезать под воздействием русского населения Камчатки с конца XVIII в. Большая семейная община к этому времени повсеместно сменилась соседской. В каждом ительменском селении проживало от 6 до 30 отдельных семей. Численность такой соседской общины достигала 250 человек [149, с. 916].

Развитие товарно-денежных отношений, втягивание коренного населения в систему капиталистического предпринимательства, появление новых занятий способствовали росту экономической самостоятельности отдельных членов семьи, а следовательно, и раннему выделению детей из семьи в связи с вступлением в брак. К моменту Великой Октябрьской социалистической революции процесс нуклеаризации у ительменов зашел достаточно глубоко.

Приполярная перепись 1926—1927 гг. не предусматривала подробного обследования семейно-брачных отношений, однако по некоторым косвенным данным, содержащимся в ее материалах, судить о характере семьи ительменов можно. В 10 селах Тигильского района перепись зафиксировала 123 ительменских домохозяйства. В среднем каждое из них состояло из 6.5 человек, в том числе трех взрослых [94, с. 44, 50]. Судя по этим цифрам, подавляющая часть домохозяйств была не чем иным, как просто семьей, состоявшей из одной брачной пары с детьми и другими родственниками. Неразделенные семьи, видимо, также

существовали, однако, скорее всего, они были исключением.

Социально-культурные преобразования в годы социалистического строительства оказали глубокое воздействие на семейный состав ительменов. Как видно из табл. 6, число семей у них на рассматриваемой территории выросло в 1926—1985 гг. более чем в 2.5 раза, в то время как общая численность ительменов — на 26 %. Опережающий рост числа семей характерен для всей страны — сказываются тенденции к обособлению молодых брачных пар и сокращение величины семьи. У ительменов этот разрыв более значителен. Ускоренный рост численности семей у них связан с межэтнической интеграцией.

К моменту переписи 1926—1927 гг. 9 из 11 сел, в которых проживали ительмены, были по существу однонациональными. В Сопочном, например, ительмены составляли 99 % к общему числу жителей, в Ковране — 98.7, в Утхолоке — 94 % [94, с. 70]. В процессе коллективизации и последующего укрупнения колхозов, оседания кочевых коряков-оленьеводов произошло смешение коренного населения, увеличилась численность приезжих. Общая численность населения на рассматриваемой территории выросла в 1926—1985 гг. более чем в 5 раз.

Совместный труд в колхозах и совхозах, общие заботы и цели способствовали стиранию этнической специфики, сближению ительменов с русскими, коряками, представителями других национальностей, выразивше-

муся, в частности, в росте этнически смешанных браков. Таким образом, процесс формирования новых семей затрагивает не только собственно ительменов.

Зависимость между численностью семей и характером межэтнической интеграции можно проследить на примере села Хайрюзова, которое уже в середине 20-х гг. отличалось известной многонациональностью. В 1926—1965 гг. число семей ительменов в расчете на 1000 человек выросло здесь со 180 до 270, в то время как в Ковране, Сопочном, Морошечном и Утхолоке, долгие годы сохранявших свой однонациональный состав (к 1965 г. жители этих сел сосредоточились в Ковране), — со 130 до 200.

Формирование новых семей особенно ускорилось с середины 60-х гг. Если в первые сорок лет рассматриваемого периода их число увеличивалось ежегодно в среднем на полторы семьи (1.7 %), то в последующие двадцать — на четыре (2.7 %). Прирост численности ительменов при этом почти не менялся — в среднем 0.4 % в год. В известной степени это также связано с межэтнической интеграцией, которая в последнее время особенно ускорилась, но здесь сказались и другие факторы.

Великая Отечественная война осложнила демографическую ситуацию. Прямые военные потери у ительменов были невелики, однако вследствие общего ухудшения условий жизни выросла смертность, особенно дет-

ская, упала рождаемость. В 1939—1946 гг. численность ительменов в Тигильском районе сократилась с 787 до 674 человек, или на 15 % [295, л. 194]. Процесс образования новых семей в этих условиях сильно замедлился. Сложными в демографическом отношении были и первые послевоенные годы. К 1950 г. численность ительменов все еще не достигла довоенного уровня.

В 50-е гг. в результате нормализации жизни, улучшения материального благосостояния населения, развития системы здравоохранения естественный прирост у ительменов заметно увеличился. В брачный возраст многолюдные поколения стали вступать уже в 70-е гг. Именно на этот период и приходится быстрый рост численности семей.

Большое воздействие на семейный состав ительменов оказало укрупнение коллективных хозяйств. К середине 60-х гг. в районе были ликвидированы многие поселения. Переселение коренным образом изменило условия существования семьи, хотя его последствия стали сказываться далеко не сразу. Поначалу у переселенцев продолжали сохраняться черты сложившегося к тому времени семейного быта. Деформационные процессы накапливались в семье постепенно, по мере изменения внешних условий. В полном объеме они дали о себе знать только в конце 60-х гг.

К этому времени абсолютное большинство ительменов получило более

Т а б л и ц а 6

Динамика числа семей

Показатели семейного состава	1926 г.	1965 г.	1985 г.
Всего ительменов	590	682	743
Всего семей	87	146	225
Число семей на 1000 человек	147	214	303
Доля живущих в семьях, %	—	95	84

П р и м е ч а н и е. Таблица составлена по данным похозяйственных книг Ковранского, Тигильского и Усть-Хайрюзовского сельских Советов за 1965 и 1985 гг. В 1926 г. на этой территории проживали ительмены сел: Аманино, Ковран, Морошечное, Напана, Седанка оседлая, Сопочное и Утхолок (см.: Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края. Благовещенск, 1929, с. 44, 50).

Распространенность типов семей,* %

Тип семьи	Усть-Хайрюзово		Ковран		Тигиль		Средний показатель		СССР
	1965	1985	1965	1985	1965	1985	1965	1985	1979
Брачные пары с детьми и без детей	83.3	72.7	59.5	59.1	60.3	61.8	61.7	62.5	66.1
Брачные пары с детьми и без детей, с одним из родителей супругов	8.3	3.0	10.8	3.2	1.6	—	6.7	1.8	9.2
Брачные пары с детьми и без детей, с одним из родителей супругов или без него, с другими родственниками	—	15.2	20.3	9.7	14.3	7.8	16.2	9.7	5.3
Две и более брачные пары с детьми и без детей, с одним из родителей супругов или без него, с другими родственниками или без них	—	—	2.7	—	1.6	2.0	2.0	0.9	4.5
Неполные семьи (матери или отцы с детьми, с другими родственниками)	8.3	6.1	5.4	21.5	19.0	24.5	11.4	20.7	10.6
Прочие семьи	—	3.0	1.3	6.4	3.2	2.9	2.0	4.4	4.3

* Составлена по данным похозяйственных книг Усть-Хайрюзовского, Ковранского и Тигильского сельских Советов. Данные по СССР (сельское население) см.: Численность и состав населения СССР. М., 1985, с. 252.

комфортное, по сравнению с прежним, жилье. Расширилась производственная и социальная инфраструктура сел. В них появились дошкольные детские учреждения, интернаты, учреждения здравоохранения, торговли, быта. Благоприятнее и разнообразнее стали возможности трудоустройства.

Существенно изменилась экономическая функция семьи. В большинстве семей отказались от домашнего животноводства, подсобных промыслов, поскольку в новых селах для этого не были созданы условия. К тому же подсобное хозяйство, некогда игравшее важную роль в экономике семьи, утратило свое значение. Общественное производство обеспечивало населению стабильные доходы. Семья перестала быть производителем. Ее благосостояние стало зависеть главным образом от общественного труда.

Рост экономической самостоятельности членов семьи способствовал выделению из нее тех родственников, которые ранее не могли жить отдельно. Это престарелые и вдовы родители, женатые дети, братья и сестры одного из овдовевших супругов с малолетними детьми и т. п. До середины 60-х гг. по разным причинам (нетрудоспособность, отсутствие пенсии, жилья и пр.) они жили, как правило, одним

хозяйством. Теперь они все чаще образуют отдельные полные или неполные семьи.

Характер и динамика вышеописанных процессов представлены в обобщенном виде табл. 7. В настоящее время у ительменов, как и в целом по стране, преобладают простые семьи. Количество брачных пар с детьми и без детей выросло в рассматриваемый период в полтора раза — с 92 до 142, несколько увеличился и их удельный вес. В целом же доля простых семей в 1965—1985 гг. сократилась более чем на 10 %. Сокращение произошло за счет той части простых семей, в составе которых проживают один из родителей супругов, а также другие родственники. Абсолютная численность таких семей снизилась в 1.3 раза, удельный вес — в 2 раза. Примерно на столько же выросло процентное соотношение неполных и прочих семей.

В этой связи целесообразно рассмотреть более подробно состав неполных семей. В 1985 г. их насчитывалось 47, две из них возглавляли мужчины. За 20 лет число неполных семей выросло в абсолютном выражении почти в 3 раза. Основной прирост неполных семей шел за счет вдов и вдовцов (такие семьи составляют 51 %, примерно треть приходится на

долю разведенных, 16 % — семьи матерей-одиночек). Рост численности последних связан с коренным изменением положения женщины в социалистическом обществе. Ей обеспечено полное равноправие во всех сферах общественной и семейной жизни, она, обычно, материально независима от мужа и семьи родителей.

Следует иметь в виду, что число семей разведенных и матерей-одиночек на самом деле больше, поскольку часть таких лиц живет в семьях родителей или родственников. В Ковране, например, самостоятельной семьей живут 9 разведенных и матерей-одиночек и еще 8 — в семьях родителей.

Нередко встречаются двойные неполные семьи: вдовая или разведенная мать с детьми и одна из ее дочерей (сестер) с ребенком. Существование подобных семей чаще всего связано с жилищными трудностями или неполной экономической самостоятельностью молодых матерей. Помощь родителей или родственников в уходе за малолетними детьми в существовании таких семей особой роли не играет, поскольку все дети коренной национальности обеспечены детскими учреждениями.

Матери-одиночки, живущие самостоятельной семьей, — в большинстве своем учителя, медики, другие специалисты, которые обеспечиваются жильем в первую очередь. Есть основания предполагать, что по мере улучшения жилищных условий численность неполных семей всех категорий будет возрастать.

Средний возраст главы неполной семьи — 44.5 года. Среди женщин, возглавляющих такие семьи, значителен удельный вес рожденных в 1941—1945 гг. Именно на этот возраст приходится наибольшее число вдов и разведенных женщин. В среднем в каждой неполной семье 2.3 ребенка, более трети семей имеют от трех до пяти детей.

Таким образом, у ительменов в последние годы довольно интенсивно идет процесс распада расширенных по своему составу простых семей.

Темпы его значительно выше, чем в целом по СССР.

Как видно из представленных материалов, больших неразделенных семей у ительменов в последние десятилетия по существу не стало. В 1985 г. зафиксирована всего одна такая семья в Тигиле: молодые супруги (23 и 20 лет) живут с родителями мужа в ожидании получения квартиры. Сложные семьи, состоящие из двух брачных пар, возникают время от времени на почве вторичного образования. Это сравнительно новое явление в семейно-брачных отношениях ительменов. До середины 60-х гг. женатые (замужние) дети, выделявшиеся в самостоятельные семьи, как правило, оставались жить рядом с родителями. Теперь же часть браков заключается во время учебы в вузах и техникумах, некоторые, образовав собственную семью, покидают родные места. Случается, что они возвращаются и некоторое время живут совместно с родителями одного из супругов. Вторичный характер носит также известная часть простых семей с расширенным составом.

Изменение семейного состава далеко не одинаково в различных селах. В Усть-Хайрюзове, например, число семей выросло в 2.7 раза, а Ковране — всего на 20 %. Здесь мы имеем дело с еще одним фактором, способствующим этому процессу, — степенью урбанизации. В Усть-Хайрюзове расположены центральная усадьба колхоза, рыбозавод, аэропорт, строительные организации. Здесь благоприятные возможности для труда и отдыха. Все это привлекает сюда молодежь. Если в 1965—1985 гг. численность ительменов в Ковране сократилась, то в Усть-Хайрюзове выросла за счет миграции из соседних сел, прежде всего из Коврана, в 1.7 раза.

Мигранты, как правило, начинают жить в семьях родственников. И не случайно Усть-Хайрюзово — единственное в обследованном массиве село, где наблюдается рост числа семей с расширенным составом. 20 лет назад семей, в которых, кроме супругов, проживали сестры и братья, взрослые

внуки, племянники, здесь не было совсем, теперь их более 15 %. Выше, чем в других селах, в Усть-Хайрюзове и доля людей, живущих в семьях, — 89 %.

В крупном многонациональном селе шире выбор брачного партнера, выше скорость образования семей. Так, в 1980—1984 гг. у ительменов Коврана в расчете на 1000 человек заключалось в среднем за год 10.6 браков, а в Усть-Хайрюзове — 23.6. Юноши 60-х гг. рождения образуют здесь семьи в 2 раза чаще, чем их сверстники в Ковране. У девушек эта разница еще выше — в 2.7 раза.

Рост численности семей, изменение их типологии тесно связаны с изменением величины семьи. Количество семей на 1000 человек постоянно увеличивается, уменьшаются размеры семьи. В 1926 г. каждая ительменская семья (домохозяйство) состояла в среднем из 6.5 человек, в 1965 г. — из 5.2, в 1985 г. — из 3.6 человек.

Изменения в численном составе семей ительменов в 1965—1985 гг. отражены в табл. 8. Как видно из приведенных данных, у них в основном завершился переход от крупных к небольшим по размерам семьям. Если в 1965 г. удельный вес семей из 5 человек и более составлял 60.9 %, то в 1985 г. — 22.7 %, причем доля семей из 7 человек и более снизилась с 28 до 2.6 %.

Наиболее распространенной в настоящее время является семья из 3—4 человек. Абсолютная численность таких семей выросла в 2.9 раза, удельный вес — в 1.9 раза. В целом изменение численного состава семьи у ительменов соответствует общесоюзным тенденциям. Некоторые существующие еще различия (преобладание семей из 3—5 человек, пониженная доля семей из 2 человек) связаны главным образом с особенностями социально-экономического развития региона и не носят какой-нибудь этнической окраски.

Важную роль в разукрупнении семей играют сознательное планирование семьи, рост численности простых и неполных семей, а также миграционные процессы. У ительменов в настоящее время преобладает временная миграция, связанная с получением образования, службой в Советской Армии. В обследованном массиве населения на долю студентов, учащихся ПТУ и военнослужащих срочной службы в 1985 г. приходилось около 70 % всех мигрантов.

Растет и трудовая миграция, вызванная диспропорциями в развитии экономики национальных сел. По этой причине временная, учебная миграция в конечном счете почти всегда превращается в трудовую. После завершения учебы или службы в армии большинство молодежи не возвра-

Таблица 8

Численный состав семей ительменов
(совместно проживающие члены) *

Число человек в семье	Число семей		Доля, %		СССР (доля, %)	
	1965	1985	1965	1985	1959	1979
2	14	50	9.6	22.2	24.9	30.6
3	22	63	15.1	28.0	23.3	23.0
4	21	61	14.4	27.1	20.5	19.6
5	27	33	18.4	14.7	14.7	11.3
6	21	12	14.4	5.4	8.9	6.2
7	22	4	15.1	1.8	4.3	3.6
8	13	1	8.9	0.4	2.0	2.3
9	1	—	0.7	—	0.8	1.5
10	4	—	2.7	—	0.6	1.9
11	1	1	0.7	0.4	0.6	—

* Данные по СССР (сельское население) см.: Народонаселение стран мира. М., 1984, с. 247.

Численность детей в семьях ительменов

Число детей	1965 г.		1985 г.		Число детей	1965 г.		1985 г.	
	Число семей	Доля, %	Число семей	Доля, %		Число семей	Доля, %	Число семей	Доля, %
1	18	12.3	57	25.3	6	8	5.5	—	—
2	30	20.6	75	33.3	7	2	1.4	—	—
3	26	17.8	30	13.1	8	2	1.4	1	0.4
4	25	17.1	20	9.0	10	1	0.7	—	—
5	17	11.6	7	3.1	Без детей	17	11.6	35	15.6

щается в семьи. Так, в Ковране в 1983—1985 гг. из 19 выпускников учебных заведений 18 уехали из села.

Характер разукрупнения семей станет особенно наглядным, если рассмотреть изменение семейного состава ительменов по родственной номенклатуре. В 1965—1985 гг. удельный вес супругов в составе семьи сократился с 37 до 36 %, детей — с 56 до 53 %, доля родственников увеличилась с 7 до 11 %.

Снижение в составе семьи доли супругов — результат роста численности неполных семей. Если в 1965 г. оба супруга имелись в 96 семьях из 100, то в 1985 г. — лишь в 64. Увеличение доли родственников произошло за счет детей матерей-одиночек и разведенных, часть которых, как уже говорилось выше, живет в семьях родителей. В этом случае их дети переходят в категорию внуков или племянников. В Ковране, например, в 1965 г. на 100 семей приходилось 23 внука и племянника, а 1985 г. — 45.

Снижение удельного веса детей в составе семьи отражает тенденцию снижения рождаемости, которая характерна сегодня для многих народов страны. Переход от высокого уровня рождаемости к среднему у ительменов завершился в основном к середине 60-х гг. Если в 1946—1948 гг. на 1000 человек населения у них приходилось в среднем за год 33.3 родившихся, то в 1966—1968 гг. — 25.3 [295, л. 196; 245, л. 6, 8].

С этого времени широкое распространение получает сознательное регулирование размеров семьи. По свидетельству медиков, стремление изба-

виться от нежелательного ребенка у ительменок всегда мотивировано социальными причинами — плохие жилищные условия, испортившиеся отношения с мужем и т. п.

В 70-е гг., как и в целом по стране, рождаемость у ительменов несколько выросла. В 1976—1978 гг. она составляла 26.6 на 1000 человек населения [287, л. 113], однако с начала 80-х гг. вновь стала снижаться. На рассматриваемой территории в 1980—1985 гг., по данным похозяйственных книг, родилось 106 ительменов, или 23.7 на 1000 человек населения в год. В зависимости от степени урбанизации рождаемость в селах колеблется от 28.6 в Ковране до 18.2 в Тигиле. Судя по возрастной структуре, во второй половине 80-х гг. у ительменов начался очередной цикл роста рождаемости.

Изменение численности детей в семьях ительменов за последние 20 лет отражает табл. 9. Как видно из таблицы, сегодня у ительменов преобладает малодетная семья — один-два ребенка. Абсолютное число таких семей выросло в 2.7 раза, их доля — в 1.8 раза. Многодетные семьи (4 ребенка и более) составляют в настоящее время всего 12.5 %. В 2 раза выросло число бездетных семей. Почти половина из них — супруги в детородном возрасте, создавшие семьи 3—4 года назад. В целом число детей в семье сократилось за 20 лет с 2.9 до 1.9 ребенка, что не обеспечивает даже простого воспроизводства.

Следует сказать, что установка на более крупную по числу детей семью не исчезла у ительменов окончательно. В известной степени она просматри-

вается и в табл. 9. Абсолютная численность семей из 3—4 детей почти не изменилась, а число семей с 3 детьми даже выросло. Правда, в основном это — семьи старших возрастных категорий. В Тигиле, например, средний возраст женщин, имеющих трех детей, — 43 года, четырех — 46 лет. В возрасте до 30 лет трех-четырех детей имеют лишь две женщины, или 7 %.

Слабее выражена зависимость между числом детей в семье и образовательным уровнем матери, а также ее социальным положением. В Тигиле среди женщин, имеющих троих детей и более, лица с высшим и средним специальным образованием составляют 20 %, в Ковране — 28 %. Средний возраст женщины в таких семьях — 39 лет. У представителей национальной интеллигенции встречаются и многодетные семьи — 5 и даже 8 детей.

Стойкого отрицательного отношения к многодетности нет и у значительной части женщин младших возрастов. Около 40 % опрошенных считают семью из 3—4 детей наиболее оптимальной. Главным препятствием для этого называют жилищные условия, которые за последние годы серьезно осложнились.

Основной жилой фонд в национальных селах Тигильского района, где живут ительмены, построен в конце 50-х и в 60-е гг. По техническому состоянию, уровню комфортности жилые дома не отвечают ни запросам населения, ни даже санитарным нормам. Достаточно сказать, что в Ковране в 1985 г. на каждого жителя приходилось в среднем 4.1 кв. м. общей жилой площади. Более 40 семей вообще не имели собственного жилья и вынуждены были жить с родственниками или на подселении.

Семейный состав, количество детей в семье зависят от состояния брачности населения. Материалы переписей свидетельствуют, что доля лиц, состоящих в браке, сокращается у всех народов Севера. У ительменов она уменьшилась в 1970—1979 гг. на 6 %, в том числе у женщин — на

2.2 %, хотя структура бракоспособного населения была к концу 70-х гг. более благоприятной.

Несмотря на снижение, доля лиц, состоящих в браке, у ительменов все же выше, чем у коряков, чукчей, эвенов, некоторых других народов Дальнего Востока, и, что особенно существенно, растет число женатых и замужних в молодом возрасте. Так, например, в возрасте до 20 лет число замужних ительменок увеличилось в 70-е гг. более чем в 3 раза, в том числе в сельской местности — в 6 раз. Более чем на треть выросло число женатых мужчин в возрасте 20—29 лет. Существенно повысилось и их процентное соотношение. Все это создает предпосылки для устойчивого роста числа семей в будущем.

Доля состоящих в браке женщин у ительменов значительно выше, чем у мужчин, причем разрыв этот продолжает увеличиваться. В 1970 г. превышение доли замужних над женатыми во всех возрастных категориях составляло 7.3 %, в 1979 г. — 15 %. В возрасте 20—39 лет эта диспропорция еще более значительна. Здесь мы сталкиваемся с довольно необычной ситуацией. Женщин у ительменов больше, чем мужчин (в 1979 г. на 100 мужчин приходилось 110 женщин). В таких, как правило, случаях доля замужних женщин всегда меньше. У ительменов же — обратная картина. Это связано с особенностями социально-культурного развития народности, а также с демографической ситуацией в районах их расселения.

Численность приезжего населения на Севере быстро растет. Среди приезжих преобладают молодые мужчины. В Корякском округе, например, в 1979 г. у русских на 100 мужчин приходилось 97 женщин, у украинцев — 76, у молдаван — 90 и т. п. В итоге общее соотношение полов выравнивается. В результате интернационализации образа жизни этническая принадлежность при заключении браков у ительменов во многом утратила свое значение, основную роль играют теперь психологические и культурные факторы. В этих усло-

виях ительменки оказываются в более выигрышном положении. У них выше общеобразовательный уровень (выше он и в сравнении с женщинами других коренных национальностей), они в большинстве своем владеют современными профессиями. К тому же в отраслях народного хозяйства северных районов, где чаще всего используется женский труд (здравоохранение, просвещение, сфера услуг), шире выбор квалифицированных рабочих мест. В целом социальный статус женщин у ительменов выше, чем у мужчин, а отсюда и более благоприятные возможности для вступления в брак.

Большое воздействие на брачное состояние оказывают разводы и овдовение. Коэффициент разводимости у ительменов высок — 7.3 на 1000 человек населения в 1979 г. (в целом по Камчатской области — 9.0). Как и в целом по стране, первые браки у них распадаются чаще, причем в силу уже отмеченных причин возможности создать вторую семью у женщин также благоприятнее.

Характерны, в частности, такие цифры. Доля состоящих в браке мужчин, которым в 1970 г. было 30—39 лет, сократилась к 1979 г., т. е. к 40—49 годам, когда абсолютное большинство разведенных уже состоит в повторном браке, на 1.1 %; у женщин же она выросла на 0.9 %. Другими словами, большая часть разошедшихся женщин к 40—49 годам создает

вторые семьи, мужчины же в большинстве своем остаются неженатыми.

Овдовение особенно затрагивает брачное состояние женщин старших возрастов. Смертность у ительменов-мужчин много выше, по этой причине и коэффициент овдовения у ительменов в 3 раза больше. В возрасте 50 лет и более в браке не состоит почти 60 % женщин, мужчин — 23 %.

В первой половине 80-х гг. уровень брачности у ительменов соответствовал общесоюзным показателям. Согласно записям актов гражданского состояния в 1980—1984 гг., у ительменов Тигильского района было заключено 96 браков, или 10.2 %, на тысячу человек ежегодно. В 1983—1984 гг. коэффициент брачности был выше среднего — 11.2 %. 59 % всех ительменов, вступивших за это время в брак, — женщины. 4 из 96 браков к 1985 г. уже распались.

82 брака, или более 85 % от общего числа, — смешанные в национальном отношении (табл. 10).

Межнациональные браки — важный показатель этносоциальных и этнических процессов, закономерный результат коренных изменений во взаимоотношениях советских наций и народностей. В связи с этим остановимся подробнее на основных тенденциях этнокультурного сближения ительменов с окружающими их народами путем браков.

Таблица 10

Браки ительменов Тигильского района

Национальность		Количество браков	% к числу всех браков	% к числу смешанных браков
мужа	жены			
Ительмен	Ительменка	14	14.6	—
Ительмен	Корячка	9	9.4	11
Коряк	Ительменка	13	13.6	16
Ительмен	Русская	18	18.8	22
Русский	Ительменка	32	33.3	39
Ительмен	Чукчанка	1	1.0	1.2
Ительмен	Прочие *	3	3.1	3.6
Прочие *	Ительменка	6	6.2	7.2

* Лица некоренных для Камчатки национальностей (приезжие).

Межэтнические брачные связи были широко распространены у ительменов уже в дореволюционные годы. Подавляющая часть таких браков заключалась тогда со старожильческим русским населением Камчатки. Браки с коряками, даже оседлыми, представляли собой большую редкость. Интернационалистическая сущность советского государства, социалистические преобразования способствовали дальнейшему расширению этнических контактов, развитию интеграционных процессов и, как следствие, — росту смешанных в национальном отношении браков.

К 1965 г. в Ковранском, Тигильском, Усть-Хайрюзовском сельских Советах из 129 полных семей ительменов 69 были смешанными. Расширилась их этническая структура, она была представлена 15 национальностями: русскими, украинцами, чувашами, марийцами, татарами, корейцами, латышами, немцами и др. Семьи, возникшие на почве браков с русскими, составляли к этому времени у ительменов более 60 % от общего числа смешанных; с представителями других неместных национальностей — 22 %. Весьма распространенными стали ительмено-корякские семьи — более 14 %.

Формирование национально-смешанных семей особенно ускорилося в 70-е гг. Если общее число семей (полных) выросло на рассматриваемой территории в 1965—1985 гг. в 1.3 раза, то национально-смешанных — в 1.7 раза. Доля смешанных семей увеличилась до 81.7 %, а в отдельных селах и еще больше. В 1985 г. на территории вышеуказанных сельсоветов было зафиксировано всего 48 однонациональных ительменских семей, но и они имели ту или иную кровную связь с русскими или другими народами. Аналогичную ситуацию применительно к отдельным ительменским селам отмечал И. С. Гурвич еще в середине 60-х гг. [66, с. 202]. Сегодня она характерна для всего Тигильского района. Чисто ительменских (по крови) семей, видимо, вообще уже не существует.

Тенденция к дальнейшему сближению ительменов с русскими путем браков проявляется в последние 20 лет весьма отчетливо. Число таких семей увеличилось за этот период с 42 до 96, их доля — до 71.7 % от всех смешанных. В то же время все более заметным становится новое направление этнокультурного сближения — с коряками. Браки с ними составляют в настоящее время около четверти всех брачных союзов ительменов (см. табл. 10), а в отдельных населенных пунктах — более 50 %.

Браки с коряками чаще всего преобладают там, где ительмены уступают им по численности. В качестве иллюстрации сошлемся на пример Седанки, национальный состав которой характеризуют такие показатели: коряков — 77 %, ительменов — около 17 %, приезжих, в основном русских, — 5 %. Здесь у ительменов зафиксирована наибольшая доля браков с коряками — 54 % от их общего числа. Браки с русскими составили 30 %.

Соотношение контактируемых этносов, безусловно, важный фактор, определяющий структуру национально-смешанных браков, но дело не только в этом. В Палане, например, русских большинство — 75 %, коряков и ительменов — соответственно 17.5 % и 6 %. Казалось бы, здесь можно ожидать значительной доли русско-ительменских браков, между тем она меньше общерайонной — 38.5 %, в то время как браки ительменов с коряками составляют 53.8 %. Примерно такая же ситуация в Тигиле.

Здесь мы имеем дело с культурно-бытовой спецификой населения. Среди русских Паланы много новоселов, ставших северянами в последние 2—5 лет (в Корякском автономном округе таких более 60 %). Культурно-бытовые различия между ними и коренным населением еще достаточно ощутимы. В таких условиях сближение ительменов с русскими может протекать медленнее, предпочтение в брачном выборе может отдаваться лицам более близкой этнокультурной

общности — корякам, другим народностям Севера, тем более что в крупных урбанизированных поселениях, типа Тигиля и Паланы, их этническая специфика быстро утрачивается.

Этнокультурное сближение ительменов с коряками будет, вероятно, нарастать. Этносоциальные процессы имеют у них много общего. У тех и других растет миграция молодежи в крупные населенные пункты. Расширяется зона контактного соприкосновения этносов, все менее заметной становится хозяйственная специфика.

Абсолютное большинство коряков в настоящее время, как и ительмены, русскоязычны. На этой основе происходит формирование единой для всех народов Севера культурной общности, определенной психологии. Там же, где коряков и ительменов по численности меньше приезжих, они выступают в сфере брачных отношений даже в качестве единой этнической общности. Во всяком случае браков между ними уже сейчас заключается больше (пропорционально численности), чем с русскими. В 1980—1984 гг., например, на 1000 русских в Тигильском районе пришлось 7 браков с ительменами, на 1000 коряков — 9 браков.

Особенности этого процесса у разных групп населения позволяют наглядно проследить индексы брачности (табл. 11), с помощью которых

демографы и социологи определяют закономерность выбора брачных партнеров, измеряют степень «притяжения» (предпочтения) или «отталкивания» (неодобрения) между ними в зависимости от национальности или других качественных признаков [69, с. 146].

Как видно из таблицы, однонациональные, а также браки с коряками являются для ительменов в большинстве случаев более предпочтительными, хотя степень такого предпочтения и невелика. Напротив, для браков с русскими в целом по району характерно «отталкивание». В Палане и Тигиле оно более существенно, в Ковране — незначительно, а в Хайрюзове и Седанке браки ительменов с русскими характеризуются индексом «притяжения». Здесь мы вновь сталкиваемся с ситуацией, о которой уже говорилось выше. Население Хайрюзова сформировалось несколько десятилетий назад, почти все его русские жители — старожилы, контакты с ительменами имеют у них давнюю традицию. То, что «отталкивало» ительменов от русских в Тигиле и Палане (культурно-бытовые различия), здесь «отталкивает» от коряков, которые, будучи оленеводами, существенно отличаются своим образом жизни. В еще большей степени это характерно для Седанки.

Из всего сказанного можно сделать вывод: в современных условиях

Таблица 11

Индексы брачности в Тигильском районе в 1980—1984 гг., в %

Национальность		По всему району	В том числе				
мужа	жены		Ковран	Тигиль	Палана	Седанка	Хайрюзово
Ительмен	Ительменка	+19	+9	+14	—	+17	0
Ительмен	Корячка	+2	—	+12	+9	—41	—24
Ительмен	Русская	—33	—18	—40	—40	+14	+11
Коряк	Ительменка	+5	+19	—	+22	—26	—
Русский	Ительменка	—26	—12	—7	—58	+12	+6
Коряк	Корячка	+57	—	—	+45	+38	—
Русский	Русская	+53	+20	+16	+54	+40	—24

Примечание. Индексы рассчитаны для обоих полов. В состав русских включены все лица некоренных для Камчатки национальностей. Числовые значения индексов округлены до целых и выражены в %. Степень «притяжения» характеризуется положительными значениями, «отталкивания» — отрицательными. Чем ближе положительные значения к 100, тем более полным «притяжением» характеризуется данный вариант брака. Чем ближе к 100 отрицательное значение, тем выше «отталкивание». Значения, равные нулю или близкие к нему, свидетельствуют о безразличии брачных партнеров к национальной принадлежности.

для ительменов национальная принадлежность брачного партнера сама по себе не играет решающей роли. Все зависит от социальных условий, в которых заключается брак, а также от социально-культурных установок самих брачных партнеров. Последнее обстоятельство является весьма существенным.

Различия в образовательном уровне женихов и невест не препятствуют заключению национально-смешанных браков, и все же зависимость между уровнем образования и национальной принадлежностью будущих супругов существует. Выявляется интересная закономерность: чем выше образовательный уровень ительменов, тем большее предпочтение отдают они однонациональным бракам, а также бракам с коряками. Такие браки заключило 53.8 % ительменских женщин с высшим и средним образованием, 32.1 с общим средним, 30 % с неполным средним. Доля ительменок, имеющих высшее и среднее специальное образование, особенно высока в однонациональных браках — 57.1 %. В браках с коряками она составляет 46 %, с русскими — 32 %.

Уровень образования супругов зависит от возраста вступления в брак. Тот факт, что в браках с русскими высшее и среднее специальное образование имеет менее трети ительменок, в значительной степени связан с их ранним замужеством. Замуж за коряков они выходят в среднем в 28 лет, за ительменов — в 26, за русских — в 21 год. Кроме того, у женщин-представителей национальной интеллигенции установка на брак в рамках своей или близкой этнической и культурной общности выражена сильнее. Многие из них считают такие браки более прочными.

Социально-неоднородные браки у ительменов преобладают в однонациональных (57 %) и в браках с коряками (у женщин 61 %, у мужчин — 55 %). Большинство браков с русскими — социально равные: у женщин 53 %, у мужчин 52 %. В сельской местности заключается обычно больше социально-неоднородных браков.

Степень квалификации у ительменок выше, чем у их мужей во всех типах браков. В однонациональных, например, доля мужчин, занимающихся неквалифицированным трудом, составляет 79 %, женщин — 36, в браках с коряками соответственно 53 и 38 %. В русско-ительменских браках различия в профессионально-квалификационном статусе менее заметны. Квалифицированным трудом в таких браках занимается 63 % мужей (русских) и 58 % жен (ительменок).

Ительмены (мужчины и женщины) вступают в брак с русскими реже, если у супругов нет соответствующей квалификации. Чаще всего такие браки возникают в том случае, если оба супруга имеют квалификацию, а образовательный уровень примерно одинаков. Доля таких браков у ительменов-мужчин особенно велика — 43 %. Владение современной профессией является для них по существу решающим условием при вступлении в брак с русскими женщинами; наиболее часто такие браки возникают у лиц с высшим и средним специальным образованием.

Ительменки без квалификации чаще выходят за мужчин, занятых квалифицированным трудом. Национальная принадлежность мужа в таком случае роли не играет. У ительменов-мужчин, не имеющих квалификации, браки с русскими женщинами, владеющими современными профессиями, встречаются довольно часто в селах, где квалифицированных рабочих мест для мужчин мало. К тому же почти все русские жены ительменов в таких браках являются выходцами из этих сел и, как правило, намного старше своих мужей-ительменов.

Ительменки с квалификацией в целом чаще выходят за мужчин без квалификации, если последние являются представителями коренных национальностей. У ительменов-мужчин, владеющих современными профессиями, ситуация обратная. В браки с корячками и ительменками, не имеющими профессий, они предпочитают вообще не вступать (в 1980—1984 гг. не было ни одного такого

брака), а доля подобных браков с русскими женщинами также невелика — 9 %.

Абсолютное большинство ительмено-корякских браков заключается между представителями современных профессий. Из 22 браков лишь в двух мужчины (коряки) были заняты традиционным трудом, причем один из них был в возрасте 60 лет. В целом преобладают браки, в которых жена моложе мужа (50 %), но ительменки все же выходят замуж за коряков в более позднем возрасте, чем корячки за ительменов. По свидетельству информаторов, часть таких браков для ительменок — повторные.

Таким образом, характер и интенсивность этнокультурного сближения ительменов с окружающими народами путем браков обусловлены многими факторами: хозяйственной спецификой коренного населения, соотношением численности лиц различных национальностей, степенью урбанизации населенных пунктов, уровнем развития их экономики, социально-культурными характеристиками брачных партнеров. Особую роль при этом играет квалификационно-профессиональный уровень.

Межнациональные браки не ведут к сокращению численности ительменов. Дети в национально-смешанных семьях, как правило, сохраняют принадлежность к ительменскому этносу. Так, например, из 117 семей, где один из родителей является ительменом, а другой представителем приезжего населения, лишь в двух дети не были записаны ительменами. Примерно такое же положение в ительмено-корякских семьях, правда, все они проживали в селах, где доля коряков невелика.

Известное воздействие на выбор национальности ребенка в ительмено-русских семьях оказывают особенности национальной политики КПСС и Советского государства по отношению к народностям Севера. Льготы, которые предоставляются коренным северянам, часто способствуют стремлению сохранить ребенку такую же национальность.

При решении вопроса о национальности ребенка в смешанных семьях гораздо более важную роль играют антропологические, а также этнотерриториальные факторы. Юг Тигильского района — исторически сложившаяся ительменская территория, и, хотя удельный вес ительменов здесь сегодня заметно сократился, именно такой она и продолжает восприниматься в сознании населения. Сохранению такого представления во многом способствуют средства массовой информации, документы партийных и советских органов. Кроме того, в последние годы на Камчатке, как и в целом по стране, сильно вырос интерес к истории своего края, к творческому осмыслению опыта предшествующих поколений, при этом ительмены, вобравшие и наиболее полно сохранившие в своей культурной традиции многое из духовной жизни русского народа XVII—XIX вв., сегодня оказываются в эпицентре общественного интереса. Все это способствует росту национального самосознания ительменов.

В целом национально-смешанные браки служат утверждению прогрессивных черт во всех сферах жизнедеятельности ительменов. В то же время нельзя не видеть и некоторых проблем, которые возникают в связи с ростом численности межэтнических браков. Остановимся на одной из них.

Различия в социально-культурном уровне развития мужчин и женщин у ительменов, неразвитость производственной инфраструктуры ряда населенных пунктов сильно деформируют половозрастную структуру межэтнических браков, что отрицательно сказывается на уровне брачности мужчин. В условиях, когда определяющими факторами брачного выбора являются социально-культурные характеристики будущих супругов, ительменомужчины не могут оказать конкуренцию приезжим. В результате часть из них лишается возможности создать семью. Особенно серьезна эта проблема в Ковране, Хайрюзове, которые в последние десятилетия по существу не развиваются.

1. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113—150.
2. Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык? // Там же. С. 293—295.
3. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Там же. Т. 30. С. 17—58.
4. Ленин В. И. Первый вариант статьи «Очередные задачи советской власти» // Там же. Т. 36. С. 127—164.
5. Ленин В. И. Речь о годовщине революции 6 ноября // Там же. Т. 37. С. 137—152.
6. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г. // Там же. С. 352—364.
7. Ленин В. И. Товарищам коммунистам Туркестана // Там же. Т. 39. С. 304.
8. Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля: II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г. // Там же. Т. 41. С. 241—247.
9. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросвета // Там же. Т. 44. С. 155—175.
10. Постановление ЦК ВКП(б) «О работе в национальных районах Крайнего Севера» от 26 июня 1932 г. // Партийное строительство. 1932. № 13. С. 53—56.
11. Постановление ЦК ВКП(б) «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера» от 1 сентября 1932 г. // Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. М., 1934. С. 133—135.
12. Решения X съезда РКП(б): О главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 242—246.
13. Постановление ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами» от 22 января 1957 г. // Там же. Т. 7. С. 237—248.
14. Постановление ЦК КПСС и Советов Министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» // Там же. С. 257—263.
15. Резолюция XX съезда КПСС по отчетному докладу Центрального комитета КПСС // Там же. Т. 9. С. 8—26.
16. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» от 7 февраля 1980 г. // Там же. Т. 13. С. 568—577.
17. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1987. 352 с.
18. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 17—18 февраля 1988 г. М., 1988. 77 с.
19. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня—1 июля 1988 г. М., 1988. 160 с.
20. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается // Избранные речи и статьи. М., 1988. Т. 5. С. 386—436.
21. Горбачев М. С. Потенциал кооперации — делу перестройки. Выступление на IX Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 г. М., 1988. 47 с.
22. Горбачев М. С. К полновластию Советов и созданию социалистического правового государства. Доклад и заключительное слово на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 29 ноября—1 декабря 1988 г. М., 1988. 47 с.
23. Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984. 208 с., ил.
24. Алькор (Кошкин) Я. П. Вопросы создания и развития национально-литературных языков Севера // Материалы I Всесоюзной конференции по развитию языков и письменности народов Севера. М.; Л., 1932. С. 32—64.
25. Алькор (Кошкин) Я. П. Письменность народов Севера // СС. 1931. № 10. С. 102—121.
26. Антология поэзии Дальнего Востока. 1917—1967. Хабаровск, 1967. 480 с.
27. Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сиб. этногр. сб. Вып. II. М.; Л., 1957. С. 99—245, ил. (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 35).
28. Антропова В. В. Из истории транспорта у народов Сибири // КСИЭ. 1952. Вып. XV. С. 23—26.
29. Антропова В. В. Лыжи народов Сибири: Этногр. очерк // СМАЭ. 1953. Т. XIV. С. 5—36, ил.
30. Антропова В. В. Расселение ительменов в первой половине XVIII в. // ИВГО. 1949. Т. 81, вып. 4. С. 414—419.

31. Антропова В. В. Старинные камчадалские сани // СМАЭ. 1949. Т. X. С. 47—92, ил.
32. Базанов А. Г. Школы на Камчатке в XVIII веке // СС. 1939. № 2. С. 177—194.
33. Балицкий В. Г. От патриархально-общинного строя к социализму: О переходе к социализму малых народов Северо-Востока РСФСР. М., 1969. 221 с.
34. Бежкович А. С., Жегалова С. К. и др. Хозяйство и быт русских крестьян: Памятники материальной культуры (определитель). М., 1959.
35. Белов М. И. Русские походы на Камчатку до Атласова // ИВГО. 1957. Т. 89, № 1. С. 25—35.
36. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725—1742 гг. М.; Л., 1946. 379 с., карта, ил.
37. Богораз-Тан В. Г. Миф об умирающем и воскресающем звере // Художественный фольклор. 1926. № 1. С. 67—76.
38. Богораз В. Г. Чукчи: Материальная культура. Л.; 1929. Ч. 1.
39. Большаков М. А., Рубинский В. И. Камчатская область. М.; Л., 1934. 145 с.
40. Браславец К. М. Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1968. 469 с.
41. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981. 391 с.
42. Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. 880 с.
43. Бубнис Г. К., Нефедова С. П. Социалистические преобразования в Корякском автономном округе. М., 1981. 136 с.
44. Ваксель Свен. Вторая камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.; Л., 1940. 176 с.
45. Варно В. Певец Камчатки // Созвездие братства. Улан-Удэ, 1982. С. 96—99.
46. Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского севера. Новосибирск, 1973. 267 с., ил., карты.
47. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Т. II. 409 с.
48. Верещагин Н. К., Николаев А. Н. Промысловые животные у неолитических племен Камчатки // Бюлл. Московск. об-ва испытателей природы. 1979. Т. 84, вып. 5. С. 16—39.
49. Вдовин И. С. Забытый исследователь Камчатки: Новые материалы об ительменах и коряках начала XVIII в. // Краевед. зап. КОКМ. 1973. Вып. 4. С. 134—146.
50. Вдовин И. С. Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в.: По неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А. П. Горланова // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVII. С. 57—66.
51. Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов // СЭ. 1970. № 3. С. 28—36.
52. Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. 304 с.
53. Вдовин И. С. Следы алеутско-эскимосской культуры на Тихоокеанском побережье Камчатки // Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. XIII. С. 41—51.
54. Володин А. П. Ительменский язык. Л., 1976. 425 с.
55. Володин А. П. Ительменский язык: Фонология, морфология, диалектология, проблема генетической принадлежности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1979. 48 с.
56. Володин А. П. О структуре ительменских имен собственных: По материалам фольклора // Этническая ономастика. М., 1984. С. 70—78.
57. Володин А. П. Отношение ительменского языка к другим чукотско-камчатским языкам // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 225—227.
58. Володин А. П., Жукова А. Н. Ительменский язык // Языки народов СССР. Т. V: (Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки). Л., 1968. С. 334—351.
59. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Вып. IV.
60. Выставка произведений художников Камчатки: Живопись, графика, скульптура, театрально-декорационное, декоративно-прикладное народное искусство: Каталог-буклет. М., 1984.
61. Георги И. И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и других достопамятностей. СПб., 1779. Ч. 3. 116 с.
62. [Головнин В. М.] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана: (Замечания В. М. Головнина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 гг.). СПб., 1861. Вып. II. (Приложение к «Морскому сборнику». № 2).
63. Гурвич И. С. Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 211—226.
64. Гурвич И. С. Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 197—222.
65. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. 276 с., карты (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 89).
66. Гурвич И. С. Этнические процессы на Крайнем Северо-Востоке Сибири // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 195—225.
67. Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ: (Очерки географии, истории, этнографии, экономики). М., 1960. 303 с., ил., карты.
68. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. Северо-Восточной экспедиции. М., 1951. Т. 1. 263 с. (ТИЭ. Нов. сер.; Т. XVII).
69. Демографический словарь. М., 1985. 608 с.
70. Диков Н. Н. Древнейшее историческое прошлое Камчатки // Краевед. зап. КОКМ. Петропавловск-Камчатский, 1973. Вып. IV. С. 89—93.
71. Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии // Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979. 352 с., ил., карты.
72. Диков Н. Н. Древняя этническая история Камчатки и прилегающих областей Севера Дальнего Востока по археологическим данным // Краевед. зап. КОКМ. Петропав-

- ловск-Камчатский, 1974. Вып. V. С. 157—162.
73. Диков Н. Н. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных // История и культура народов Северо-Востока СССР. Магадан, 1964. С. 5—27, ил., карты (Тр. СВКНИИ; Вып. 8).
74. Диков Н. Н. Предисловие к кн.: Новые археологические памятники севера Дальнего Востока. Магадан, 1979. С. 3—5.
75. Дикова Т. М. Авачинская многослойная стоянка — новый памятник тарьинской культуры на юге Камчатки // Там же. С. 82—106.
76. Дикова Т. М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983. 231 с., ил., карты.
77. Дикова Т. М. Лабретки Южной Камчатки // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан, 1980. С. 56—63.
78. Дикова Т. М. Первые находки палеолита на юге Камчатки: мыс Лопатка // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока. Магадан, 1979. С. 29—38.
79. [Дитмар К.] Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Карла фон-Дитмара: (Исторический отчет по путевым дневникам). СПб., 1901. Ч. 1. 756 с., карта.
80. Добротворский М. М. Южная часть острова Сахалина // Изв. Сиб. отд. ИРГО. 1870. Т. 1, № 2—3.
81. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. 622 с., карта (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 55).
82. Елистратов Ф. Камчадалы: (Пенжинская губа) // Этногр. материалы Северо-Восточной геогр. экспедиции. 1785—1795 гг. Магадан, 1978. С. 166—172.
83. Жорницкая М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М., 1983. 152 с.
84. Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968. 334 с.
85. Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934. 52 с.
86. Иванов С. В. Века, оставшиеся в бронзе // Радуга на снегу: Культура, традиционное и современное искусство народов советского Крайнего Севера. М., 1972. С. 174—180, ил.
87. Иванов С. В. Орнамент // ИЭАС. М.; Л., 1961. С. 369—434.
88. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник: (по материалам XIX—начала XX в.) // Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л., 1963. 500 с., ил. (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 31).
89. Иохельсон В. И. Археологические исследования на Камчатке // ИРГО. 1930. Т. 62, вып. 3. С. 199—242; Вып. 4. С. 351—384.
90. [Иохельсон В. И.] Записка В. И. Иохельсона об оказании ему содействия в обработке и издании собранных им материалов по языкам, народному творчеству и этнографии алеутов и племен Крайнего Северо-Востока Сибири. 1915. 21 с. (отд. отт.)
91. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. 498 с., ил., карты.
92. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. 301 с.
93. Итоги переписи 1959 г. РСФСР. М., 1963. 306 с.
94. Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). Благовещенск, 1929. 408 с.
95. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Хабаровского края. Хабаровск, 1941. 89 с.
96. Камчатка: Лит.-худож. сб. Петропавловск-Камчатский, 1977. 168 с.
97. Камчатка: Лит.-худож. сб. Петропавловск-Камчатский, 1980. 200 с.
98. Карбанова С. Ф. Шаманские пляски и промысловый обряд у народностей Дальнего Востока СССР // Культура народов Дальнего Востока: Традиции и современность. Владивосток, 1984. С. 101—107.
99. Кеннан Дж. Степная жизнь в Сибири: (странствия между коряками и другими племенами Камчатки и Северной Азии). СПб., 1871. 330 с.
100. Колесин А. Н. Развитие хореографических традиций народностей Севера // Культура народностей Севера: Традиции и современность. Новосибирск, 1986. С. 259—268.
101. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архивных материалов. Л., 1935. 212 с.
102. Комаров В. Л. Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг. // Избр. соч. М.; Л., 1950. Т. 6. С. 409—435.
103. Кочешков Н. В. Историография декоративного искусства малых народностей Дальнего Востока СССР (XIX в.—70-е годы XX века) // Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 80—92.
104. Кочешков Н. В. Проблемы этнических традиций в декоративном искусстве малых народов советского Дальнего Востока // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983. С. 3—17.
105. Кочешков Н. В. Современное декоративное искусство народов Крайнего Северо-Востока СССР и его этнические традиции // Национальные традиции в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1987. С. 5—19.
106. Кочешков Н. В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. Л., 1989. 197 с.
107. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949. 841 с., ил.
108. Кэн'акэтой: Буклет. Палана, 1987.
109. Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства // СЭ. 1946. № 4. С. 75—108, ил.
110. Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. Нов. сер. 1958. Т. 36. 359 с., ил.
111. Лепетюк А. В. Начало культурной революции на Камчатке // Краевед. зап. КОКМ.

- Петропавловск-Камчатский, 1970. Вып. II. С. 73—84.
112. [Лессепс Ж. Б.] Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. М., 1801. 686 с.
 113. Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР (1917—1985). Петропавловск-Камчатский, 1986. 192 с.
 114. Литке Ф. П. Путешествие на военном шлюпе «Сенявин». М., 1948. 304 с., ил.
 115. Лукс К. Я. Проблема письменности у туземных народностей Севера // СС. 1930. № 1. С. 38—47.
 116. Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975. 200 с., ил.
 117. Маргаритов В. П. Камчатка и ее обитатели // ЗПОРГО. Хабаровск, 1899. Т. V, вып. I. 141 с., ил.
 118. Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М., 1979. 228 с.
 119. [Меновицков Г. А.] Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост. предисл. и примеч. Г. А. Меновицкова. М., 1974. 646 с.
 120. Месс Л. А. Работы художественных мастерских Северного факультета // Искусство народностей Сибири. Л., 1930. С. 48—50.
 121. Месс Л. А. Скульптура народов Севера // Народное творчество. 1937. № 6. С. 28—29, ил.
 122. Местные Советы народных депутатов: Сб. нормативных актов. М., 1988. 783 с.
 123. Молл Т. А. Очерк фонетики и морфологии седанкинского диалекта ительменского языка // УЗЛГПИ. Л., 1960. Т. 167. С. 192—221.
 124. Мухачев Б. И. Советы Северо-Востока в переходный период от капитализма к социализму (1917—1936 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1986. 40 с.
 125. Мухачев Б. И. Советы Северо-Востока СССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1936 гг.). Магадан, 1987. 190 с.
 126. Мухачев Б. И. Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР (1917—1920 гг.). Новосибирск, 1975. 202 с.
 127. Мы живем на Камчатке: Книжка-картинка. Л., 1979.
 128. Народонаселение стран мира. М., 1984. 447 с.
 129. Народное искусство Якутии: Альбом. Л., 1981.
 130. Народное образование в СССР: Сб. нормативных актов. М., 1987. 336 с.
 131. Народное хозяйство Камчатской области: Стат. сб. Хабаровск, 1966. 145 с.
 132. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. 543 с.
 133. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. М., 1987. 471 с.
 134. Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг. М., 1982. 624 с.
 135. Обзор Камчатской области за 1912 г. Петропавловск-Камчатский, 1914. 420 с.
 136. Образование СССР. М., 1972. 531 с.
 137. Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. 454 с.
 138. Огрызко И. И. Владимир Атласов // УЗЛГПИ. 1957. Т. 132. С. 111—157.
 139. Огрызко И. И. Дохристианские верования ительменов // УЗЛГПИ. 1971. Т. 413. С. 109—125.
 140. Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII—начало XX в.). Л., 1973. 192 с.
 141. Огрызко И. И. Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII в. // УЗЛГПИ. 1961. Т. 222. С. 171—208, карты.
 142. Орлова Е. П. Верования камчадалов-ительменов // Страны и народы Востока. 1975. Вып. XVII, кн. 3. С. 127—137.
 143. Орлова Е. П. Ительмены: (Остатки древних обитателей Камчатки) // Стат. бюллетень / Дальневост. стат. управление. Хабаровск; Благовещенск, 1927. № 8—9. С. 35—36, 68—78.
 144. Орлова Е. П. Роль Дальневосточного техникума народов Севера в создании и внедрении письменности этих народов // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. Вып. 3, 1972. № 11. С. 40—44.
 145. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971. 344 с.
 146. Очерки истории Камчатской областной партийной организации. Петропавловск-Камчатский, 1986. 360 с.
 147. Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1: 1700—1713. 552 с.
 148. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири: Стат. материалы для освещения вопр. о вымирании первобыт. племен. СПб., 1911. 210 с.
 149. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. III. С. 433—998.
 150. Петрова-Бытова Т. Ф. Четыре камчатских танца. Петропавловск-Камчатский, 1964. 76 с., ил.
 151. Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М., 1985. 216 с., ил.
 152. Поротов Г. Г. Акиках, Ачичух, Абабах: Сб. избр. произв. / Предисл. В. Кудлина. Владивосток, 1972. 68 с., ил.
 153. Поротов Г. Г. Камчатский мотив: Стихи, поэма. Петропавловск-Камчатский, 1984. 64 с.
 154. Поротов Г. Г. Корел: Пьесы по ительменским мотивам. Петропавловск-Камчатский, 1969. 68 с.
 155. Поротов Г. Г. На околице Руси: (Повесть). Петропавловск-Камчатский, 1979. Кн. 1. 208 с.
 156. Поротов Г. Г. На околице Руси: (Повесть). Петропавловск-Камчатский, 1981. Кн. 2. 208 с., ил.
 157. Поротов Г. Г. Ое: (Стихи и пьеса-сказка). Владивосток, 1967. 72 с.
 158. Поротов Г. Г., Косыгин В. В. В стране

- Кутхи: Из цикла «Встречи в тундре». Петропавловск-Камчатский, 1969. 40 с.
159. *Поротов Г. Г., Косыгин В. В.* Дарю тебе песню: Из цикла «Встречи в тундре». Петропавловск-Камчатский, 1970. 88 с.
 160. *Поротов Г. Г., Косыгин В. В.* Песни Алнея: Из цикла «Встречи в тундре». Петропавловск-Камчатский, 1969. 40 с.
 161. Поселенные итоги туземной переписи 1926 г. Владивосток, 1928. 88 с.
 162. Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. 280 с.
 163. *Прыткова Н. Ф.* Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 5—88, ил.
 164. *Романов В. Т., Шейкин Ю. И.* Музыкальные инструменты народностей Камчатки // Культура народов Дальнего Востока: Традиции и современность. Владивосток, 1984. С. 70—80, ил.
 165. *Рощина Н. А.* Производственные отношения ительменов в первой половине XVIII века // УЗМОПИ. 1953. Т. 28, вып. 2. С. 85—108.
 166. *Рощина Н. А.* Хозяйство и общественный строй ительменов в первой половине XVIII века // УЗКПИ. 1956. Вып. 1. С. 50—82.
 167. *Руденко С. И.* Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. 1948. № 1. С. 153—179, ил.
 168. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. и со вст. ст. А. И. Андреева. М., 1948. 325 с.
 169. Русско-корякский словарь / Сост. А. Н. Жукова. М., 1967. 752 с.
 170. *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. 326 с.
 171. [*Сарычев Г. А.*] Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. СПб., 1802. Ч. 1. 187 с.
 172. *Севильгаев Г. Ф.* Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л., 1972. 423 с.
 173. *Селиванова Н.* Ое мастер песни петь // Камчатка: Лит.-худож. сб. Петропавловск-Камчатский, 1980. С. 59—64.
 174. *Семенов С. А.* Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963. С. 191—214.
 175. *Сергеев М. А.* Народное хозяйство Камчатского края. М.; Л., 1936. 815 с., ил.
 176. *Сергеев М. А.* Оборона Петропавловска-на-Камчатке (1854—1855). М., 1952. 96 с.
 177. *Сергеев М. А.* Советская Камчатка. М.; Л., 1932. 264 с., ил.
 178. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сб. 1869. № 5.
 179. *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М., 1976. 310 с.
 180. *Симченко Ю. Б.* Особенности социальной организации палеоазиатов Крайнего Северо-Востока (коряки, чукчи, ительмены, эскимосы) // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 313—331.
 181. *Скорик П. Я.* К вопросу о сравнительном изучении чукотско-камчатских языков // Изв. АН СССР / ОЛЯ. 1958. Т. XVII, вып. 6. С. 534—546.
 182. *Скорик П. Я.* К генезису склонения в чукотско-камчатских языках // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974. С. 95—108.
 183. *Скорик П. Я.* К проблеме языковой общности аборигенов северо-востока Азии // ВЯ. 1977. № 3. С. 27—36.
 184. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Ч. 1. 326 с.
 185. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край: Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. 1. 689 с., ил., карта.
 186. Собрание узаконений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР // СУ РСФСР. 1931. № 8. Ст. 98.
 187. Советы Северо-Востока СССР (1928—1940 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1979. Ч. 1. 287 с.
 188. Советы Северо-Востока СССР (1941—1961 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1982. Ч. 2. 326 с.
 189. Список населенных мест Камчатского округа с 4 картами: По материалам Приполярной переписи 1926—1927 гг. Хабаровск; Благовещенск, 1928. 33 с.
 190. *Старкова Н. К.* Использование крапивы в хозяйстве ительменов // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1971. Т. 8. С. 182—183.
 191. *Старкова Н. К.* Ительмены: Материальная культура (XVIII в.—60-е годы XX в.): Этногр. очерки. М., 1976. 166 с., ил.
 192. *Старкова Н. К.* Морской зверобойный промысел у ительменов (XVIII в.—начало XX в.) // Краевед. зап. КОКМ. 1974. Вып. V. С. 146—148.
 193. *Старкова Н. К.* Погребальная обрядность ительменов в прошлом и настоящем // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983. С. 38—43.
 194. *Старкова Н. К.* Рыболовство и орудия промысла у ительменов (конец XIX—начало XX в.) // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.). Владивосток, 1978. С. 75—80.
 195. *Стебницкий С. Н.* Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках. Л., 1941.
 196. *Стебницкий С. Н.* Ительменский (камчадальский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. Ч. III. С. 85—105.
 197. *Стебницкий С. Н.* Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова: К вопросу о происхождении карагинского диалекта нымыланского (корякского) языка в свете лингвистических материалов С. П. Крашенинникова // СС. 1939. № 2. С. 129—170.

198. *Стеллер Г. В.* Из Камчатки в Америку: Быт и нравы камчадалов в XVIII в. / Пер. с нем. Л., 1927. 111 с.
199. *Тюшов В. Н.* По западному берегу Камчатки // ЗРГО. 1906. Т. 37, № 2. 521 с.
200. [Ушаков и Елистратов] Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова 1742 и 1787 гг. // ЗГДММ. 1852. Ч. X.
201. *Федосеева С. А.* Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1984. 48 с.
202. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. 366 с.
203. *Чистов К. В.* Этнические, региональные и местные традиции: Некоторые вопросы теории и перспективы // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии: Тез. докл. Петрозаводск, 1981. С. 3—5.
204. *Шавров К. Б.* О населении северной части полуострова Камчатки // Стат. бюллетень (Хабаровск): 1927. № 5—6. С. 73—90.
205. *Шафрановская Т. К.* Народы Камчатки и прилегающих островов: известие 1700 года // Страны и народы Востока. 1968. Вып. VI. С. 61—67.
206. *Шнейдеров В. А.* Советский экран и народы Севера // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971. С. 188—199.
207. Этнографические материалы из рукописи дневника К. Мерка // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции (1785—1795 гг.), Магадан, 1978. С. 59—97, ил.
208. Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. Ч. III: Языки и письменность палеоазиатских народов. 243 с., карта.
209. *Vdovin I. S.* The traces of an Aleut-Eskimo culture on the Kamchadal Pacific chore. М., 1966. 14 p.
210. *Jochelson W.* Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. Washington, 1925. IX. 145 p.
211. *Jochelson W.* Archaeological Investigations in Kamtchatka. Washington: Carnegie Institution of Washington Publication, 1928. 88 p., il.
212. *Jochelson W.* History, Ethnology and Anthropology of the Aleut. Washington, 1933. 92 p., il.
213. *Jochelson W.* The Koryak. P. 11. Leiden, 1908. N 4. 810 p.
214. *Lesseps M. D.* Travels in Kamtchatka during the year 1787 and 1788. London, 1970. 660 p.
215. *Steller G. W.* Beschreibung von dem Lande Kamtchatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten. Frankfurt; Leipzig, 1774. 480 p., il.
216. *Tilleu H. A.* Japan, the Amoor and Pacific. London, 1861. 405 p., il.
217. *Worth D. S.* Kamchadal Texts collected by W. Jochelson / By D. S. Worth. Los Angeles, 1961.

218. *Worth D. S.* La place du kamtchadal parmi les langues soidisant paleosiberiennes. *Orbis*, 1962. T. XI, N 2.
219. *Worth D. S.* Dictionary of Western Kamchadal // University of California Publications in Linguistics. Berkeley; Los Angeles, 1969. Vol. 59.
-

Оглавление

Введение	3
История изучения ительменов	9
Этногенез и этнические связи ительменов	14
Численность и расселение (14). Этногенез (16). Ительменско-алеутские связи (22). Ительменско-айнские связи (24). Ительменско-корякские связи (30). Ительменско-русские связи (35).	
Хозяйство	40
Традиционные занятия: рыболовство, морской зверобойный и охотничий промыслы, собирательство (40). Развитие основных отраслей хозяйства в Советский период (46).	
Материальная культура	58
Поселения, жилые и хозяйственные постройки (58). Способы и средства передвижения (67). Одежда и обувь (73). Пища и утварь (83).	
Общественный строй и социальные отношения	95
Национально-государственное строительство	102
Социально-экономическое строительство (1917—1987 гг.)	112
Семья и брак	126
Духовная культура	138
Верования и культы (138). Народные знания (141). Язык и фольклор (145). Литературно-художественное творчество (150). Народное образование и подготовка кадров (153). Культурно-просветительная работа (164). Народные танцы (173). Народное декоративное искусство (180).	
Охрана здоровья, физическая культура	191
Литература	199
Список сокращений	206